

# ВОЛЬНОЕ СЛОВО

Самиздат \* Избранное

Документальная серия. Выпуск 8

---

**Р. И. Пименов**

## **Один политический процесс**

# ВОЛЬНОЕ СЛОВО

Самиздат \* Избранное

Документальная серия. Выпуск 8

---

**Р. И. Цименов**

## **Один политический процесс**

ПОСЕВ 1973

**Документальная серия  
выходит 6 раз в год**

**© Possev-Verlag, V. Gorachek K. G., 1973  
Frankfurt/Main  
Printed in Germany**

## ОТ РЕДАКЦИИ

*В Шестом специальном выпуске «Посева» мы опубликовали в выдержках беседу Р. И. Пименова с вызвавшим его в свой кабинет в Смольном секретарем Ленинградского горкома КПСС по идеологии Василием Андреевичем Медведевым:*

— Вы понимаете, что нам с вами приходится говорить не по поводу науки. Ваши научные успехи — это все хорошо, а вот другое... Вы нехорошо себя ведете.

Молчание.

— Вот у вас изъята целая коллекция антисоветской литературы.

— Там не было ни одной строчки, где содержались бы призывы к свержению, ослаблению или подрыву советской власти.

— Ну, я не силен в процессуальных тонкостях. Это следствие разберется, была ли литература антисоветской. Но у вас изъяли коллекцию нехорошей литературы. Я не занимаюсь юридическими тонкостями, а по существу разговариваю с вами... Откуда такой интерес к такого рода литературе?

— Ну, я могу попробовать вам объяснить. Дело все в том, что с некоторого времени мы, ученые, утратили чувство личной безопасности. Примерно с конца 1966 года... Возникла необходимость разобрататься в социальных причинах этого страха... Угроза личной безопасности толкает заниматься политикой...

— Чего вы хотите? Если вы думаете, что когда-нибудь мы позволим говорить и писать обо всем, что кому вздумается, то этого никогда не будет. Этого мы не допустим. Меняйте идеологию... Я могу вам по пальцам перечислить те азбучные истины, чего нельзя нарушать.

— Перечислять не надо. Я хотел бы только, чтобы вы имели в виду также, что я, по крайней мере субъективно, никогда не выступал против интересов государства. Я, может быть, ошибаюсь, но действую я ради интересов государства...

— Так и белогвардейцы говорили! Интересами государства прикрываются все. Кронштадские мятежники тоже говорили, что они за советскую власть. Гитлер тоже говорил, что он социалист. Сейчас все говорят, что они во имя государства, социализма, за народ! Кто сейчас осмелится сказать, что он — против социализма, против прогресса?! Против советской власти!? Но мы никому не позволим нам мешать! Никому не позволим нам вредить! Вы это имейте в виду и пересмотрите ваше мировоззрение...

*Револют Иванович Пименов родился в 1931 году. Детство и юношество провел в Магадане. Окончил механико-математический факультет Ленинградского университета. В 1949 году был насильственно помещен в психиатрическую больницу после того, как он подал заявление о выходе из комсомола. Повторный консилиум во главе с профессором Голландом признал его здоровым. Единственное, на чем настаивал профессор при выписке — это чтобы Пименов взял обратно свое заявление. В марте 1950 года, под угрозой вторичной отправки в психиатрическую больницу, согласился остаться в комсомоле. В 1951 году был из него исключен, но райкомом восстановлен. Затем, однако, исключен из университета, но потом восстановлен. Окончил университет в 1954 году.*

*Кружок близких друзей Р. И. Пименова — молодых математиков, в шутку именованных «Обществом сумасшедших на свободе» разделял также интерес Пименова к вопросам истории российского революционного движения. На этой почве у них, по-видимому, и возникли более тесные связи и со студентами Библиотечного института и со студентами-*

историками, к числу которых принадлежала и первая жена Р. И. Пименова — Ирина Вербловская.

Об этом периоде своей жизни Р. И. Пименов подробно рассказывает в своем «отрывке из мемуаров», а на самом деле — сборнике документов и материалов о своем «деле» 1957 года. Самиздатское издание этих материалов, под названием «Один политический процесс» получивший распространение уже в 1968 году, охватывает 473 страницы. Из «Предварения» автора видно, что первоначально «Один политический процесс» предназначался только для ознакомления ближайшего круга друзей автора — участников процесса. Будучи не только крупным математиком, но и крайне скрупулезным историком, Р. И. Пименов полагал, по-видимому, что данный текст, в некоторых своих частях написанный в форме субъективных воспоминаний, еще нуждается в поправках со стороны других участников «дела», прежде чем стать подлинным документом для истории.

Однако дальнейшая судьба Р. И. Пименова и его главного «однодельца» Б. Б. Вайля помешала работе над совершенствованием «Одного политического процесса», ибо за первым процессом последовал второй. Сборник попал в Самиздат без видимых позднейших поправок или изменений. Несмотря на мемуарную форму изложения, которой автор придерживается в первой части своей труда, «Один политический процесс» в настоящее время приобрел характер одного из наиболее отработанных и ярких документальных материалов по истории российского освободительного движения периода того первого его подъема, который был вызван частичным разоблачением И. Сталина на XX съезде КПСС и Венгерской революцией 1956 года. Этим объясняется также, почему такой объемистый труд нашел широкое распространение и в трудоемком и недешевом машинописном Самиздате.

Не будучи в состоянии поместить на своих стра-

ницах «Один политический процесс» целиком, «Вольное слово» предлагает вниманию своих читателей полный текст главы 10 — «Последние три месяца», в которой мы знакомимся с политическими воззрениями автора и его друзей, — и главы 18, посвященной суду над Р. И. Пименовым, Б. Б. Вайлем, К. Г. Даниловым, И. Д. Заславским и И. С. Вербловской в августе 1957 года.

Р. И. Пименова суд приговорил к 6 годам, Б. Б. Вайля к 3, а троих остальных к 2 годам лишения свободы каждого.

Однако прокурор города Ленинграда направил Верховному суду РСФСР кассационный протест и в январе 1958 года новый суд приговорил Р. И. Пименова к 10 годам с последующим поражением в правах на 3 года, 18-летнего Б. Б. Вайля — к 6 годам, И. Д. Заславского и И. С. Вербловскую к 5 годам, а К. Г. Данилова — к 4 годам.

На этот раз всем вменили не только статью 58<sup>10</sup> — «пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений, а равно распространение или хранение литературы того же содержания» — но и статью 58<sup>11</sup>: «Всякого рода организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению предусмотренных в настоящей главе преступлений...».

Постановлением Президиума Верховного совета от 15 июля 1963 года Р. И. Пименов был условно освобожден с испытательным сроком — 3 года и снятием поражения в правах. Через год он защитил в Математическом институте Академии наук кандидатскую диссертацию, а в конце 1969 года — и докторскую. Р. И. Пименов — член Гравитационного комитета, автор книги «Пространства кинематического типа» (Математическая теория пространства-времени) и многочисленных математических статей. Кроме того, Р. И. Пименов написал несколько исто-

рических пьес. В Самиздате получила широкое распространение его статья «Как я искал английского шпиона Сиднея Рейли», в которой автор доказал, что лицо, вокруг которого была создана соответствующая легенда, было не английским шпионом, а чекистским провокатором.

Б. Б. Вайля в лагере вторично судили, повысили срок до 8 лет. Освободившись в сентябре 1965 года, поселился опять в Курске, работал в кукольном театре.

В апреле 1970 года у Р. И. Пименова в Ленинграде и у Б. Б. Вайля в Курске были проведены обыски, после того, как лаборантка физико-энергетического института в Обнинске В. И. Зиновьева, арестованная за несколько дней до этого, показала, что получала Самиздат от Р. И. Пименова.

При обыске в квартире Р. И. Пименова было изъято более 250 названий Самиздата, а кроме того Библия и пишущая машинка. Об этой «коллекции» и читал Р. И. Пименову нравоучения секретарь Ленинградского горкома по идеологии.

В июле Р. И. Пименов и Б. Б. Вайль были вызваны на первые допросы и задержаны.

Р. И. Пименову было предъявлено обвинение в том, что он на протяжении 1967—1970 годов совершал деяния, предусмотренные статьей 190<sup>1</sup> Уголовного кодекса РСФСР, в устной форме излагал «заведомо ложные измышления, порочащие советский общественный и государственный строй» и участвовал в распространении написанного им самим «Послесловия к речи Н. Хрущева», а также произведений: М. Джиласа «Русская революция вырождается в империализм», В. Комарова «Сентябрь 1969 года»\*, Н. Александрова «Наша короткая память», «Хроника текущих событий», обращения «К мировой общественности» Л. Богораз и П. Литвинова и чехословацкого документа «2000 слов».

22 октября 1970 года Р. И. Пименов произнес на суде свое последнее слово которое длилось три с по-

ловинной часа. Пименов подверг анализу весь ход судебного следствия и показал, что у обвинения отсутствуют доказательства. Р. И. Пименов подчеркнул важность обмена информацией и самиздатской литературой и подтвердил, что ни в чем виновным себя не считает.

Суд приговорил Р. И. Пименова и Б. Б. Вайля к 5 годам ссылки.

Р. И. Пименова направили в Коми АССР, а Б. Б. Вайля — в Тюменскую область.

Р. И. Пименов работал в поселке Красный Затон пилоправом, а затем электриком на лесопилке. Однако в марте 1972 года для него была создана «шарага» при Коми-филиале Академии наук СССР. Р. И. Пименова допустили на должность младшего научного сотрудника этого филиала с тем, чтобы он создал в Сыктывкаре (из других сосланных туда математиков?) группу, а затем и отдел по своей математической специальности.

Жена Пименова, Вилена Анатольевна, последовала за мужем и живет с ним в поселке Красный Затон. У Пименовых — сын Револют, родившийся в августе 1964 года.

---

\* Статья В. Комарова опубликована в Выпуске 1 публицистической серии «Вольного слова».

Р. И. П и м е н о в

## **ОДИН ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС**

Глава 10. Последние три месяца

Глава 18. Суд

Ленинград 1968



## ПОСЛЕДНИЕ ТРИ МЕСЯЦА

Что еще мы делали или собирались делать? (Ведь с точки зрения закона между этим нет почти никакой разницы, поскольку наша деятельность была «длящимся преступлением» и не было «добровольного отказа от совершения преступления»).

Мы начали количественно расширять организацию. В этих целях Вайль взял с собой ряд материалов, отправляясь на каникулы в Курск. В этих же целях он ездил в Новгород. Предпринимались и другие шаги. Под тем же углом смотрел я на встречи через Локонову со Слабовзоровым и Дудкиным. Все эти встречи были обставлены сугубо конспиративно, и на взятых органами ГБ фотографиях я видел, как пристально озирается Слабовзоров, выходя на встречу и расставаясь со мной у Витебского вокзала. Слабовзоров выражался примерно так: «Вы, молодой человек, конечно, отвергаете марксизм. Но это только потому, что вы не знаете настоящего марксизма». Несмотря на нотки поучения, разговор был глубоко содержательным — для меня, по крайней мере. С Дудкиным же — который не показался мне в беседе глубоким — был менее содержательный разговор. Он убеждал меня сворачивать деятельность: «Бывают периоды...»

Борис уведолил меня, что в Курске у него есть целая организация. Имелся в виду Данилов (фамилия не называлась, конечно), вокруг которого тогда группировался ряд лиц, не привлеченных к следствию, но которых Данилов субъективно мог считать вполне своими. Учтя их совместную деятельность в 1955 году, Борис вполне мог называть их мне орга-

низацией. Я же не входил в подробности по конспиративным соображениям: каждый должен знать только то, что ему совершенно необходимо знать и не более. Он поставил вопрос о том, чтобы связать одну организацию с другой. Мы обсудили, на базе каких требований можно объединять организации. Обсуждение происходило в два этапа. Сначала этот вопрос был им поставлен. Я обещал подумать.

В тот же или на следующий день я встретился с Хайфицем (это была наша последняя встреча) и обсудил с ним программные требования, да и тактические, сдается мне, заодно. Конечно, я ничего не говорил о Борисе; Хайфиц до суда ничего не знал о Вайле. Свидание состоялось на улице; мы шли от Дома книги мимо церкви Спаса-на-крови. К этому свиданию я впервые применил придуманный мной прием обезвреживания подслушивающих аппаратов. Я завел с Ирой речь, куда я собираюсь выходить из дому. И подойдя к висевшему на стене плану Ленинграда, я сказал, что во столько-то пойду к Московскому вокзалу, ткнув пальцем в Дом книги. Сказав несколько слов о важности дела, которое меня ждет у Московского вокзала, я велел ей приехать туда во столько-то, чтобы потом пойти в кино. В назначенный срок я направился к Дому книги. Со своей стороны, Владимир также решил проверить, не привел ли я хвоста. Он попросил Валю и еще одно лицо проследить не следят ли за нами.

Вышли на место встречи за час-полтора до назначенного нами времени. Я тогда этого не знал, но на следствии не фигурировали никакие фотографии меня с Хайфицем, и об этом свидании следствию стало известно только из показаний Вербловской, которой я про него рассказал\*. И то, кажется, оно

---

\* Рассказал в связи с тем, что Хайфиц уведомил меня, что по городу-де, проводятся негласные обыски. Он знает это из надежных источников и просит проявить сугубую осторожность в этой связи.

не было локализовано. Владимир Хайфиц был настроен на свертывание деятельности, но некоторые полезные для меня соображения о программных вопросах я сумел извлечь для себя из разговора. Разговор был довольно резкий.

Придя на вокзал в день отъезда Бориса Вайля в Курск, я стал излагать ему эти программные соображения. Обнаружив, что в суতোлке не трудно сбиться с толку, я тут же на клочке бумаги записал несколько слов, а, может быть, он писал под мою диктовку. Этот клочок фигурировал потом в деле как «программа организации».

«Программа» укладывалась в придуманный мной девиз:

«Земля — крестьянам, фабрики — рабочим, культура — интеллигенции».

Далее следовали пояснения к каждому требованию. «Фабрики рабочим» — понималось в югославском смысле. «Земля крестьянам» — понималась не ликвидация колхозов, конечно, а в смысле предоставления колхозам же возможности самостоятельно распоряжаться своими делами. В этом же духе понималось и «культура — интеллигенции».

Помню, что Игорь Заславский, будучи согласен в общем с первыми двумя требованиями и упрекая меня только за то, что здесь нет ничего нового сравнительно, скажем, с Октябрьской революцией\*, непримиримо обрушился на третье требование. Он заявил, что моя формулировка может внушить мысль, будто я желаю доставить интеллигенции монопольное право на *плоды культуры*, обрекая рабочих и крестьян на бескультурье, тогда как на самом деле я желал только добиться для интеллигенции права свободно творить культуру. Любопытно, что

---

\* Я же совершенно умышленно сохранил лозунг Октябрьской революции «земля — крестьянам, фабрики — рабочим», дабы подчеркнуть социалистический характер наших требований.

он не усмотрел ни в первом, ни во втором лозунгах ущемления прав интеллигенции на плоды земли и фабрик.

Так как Игорь не предложил мне никакой альтернативной формулировки, а я всегда придерживался мнения, что лучше плохая формулировка, чем никакой, то, не будучи в состоянии сам придумать лучше, я дал Хайфицу указанный триединый лозунг. Вспоминаю, что Владимир Хайфиц категорически не соглашался с лозунгом «земля — крестьянам», который им воспринимался как шаг к капитализму, которого он, как и я, не хотел. Но общая идея избавления рабочих, крестьян и интеллигенции от паразитического класса, который «обдряб и лег у истории на пути в мир, как в свою кровать», в общем импонировала, хотя и вела к нескончаемым спорам об уточнении, кого именно следует относить к этому классу. Тогда, в полемике с Хайфицем, который анализировал классовые движущие силы, я рассказал свою теорию о пяти классах, составляющих советское общество (крестьяне, рабочие, служащие, партийно-государственный аппарат, интеллигенция), с которой мало кто соглашался. Да и мой лозунг исходил из трехклассовой структуры. Мысль же, что страной должны управлять творческие, способные люди, которые внимательно и честно воспринимают реальные факты, а не узкий круг личностей, заинтересованных только в том, чтобы продлить свое пребывание у кормушки, — эта мысль, повторяю, не встречала возражений. В отличие от Хайфица, который заботился, как бы не умалить роли рабочего класса в качестве класса, на который мы должны опираться, я не выделял ни одного класса как опорного, выделяя зато противостоящий нам класс.

Попутно припомню одно из рассуждений, которым я зачастую пользовался. Пожалуй, к этому времени, столкнувшись сам с трудностями организаторской деятельности, со всеми рифами, подстерегающими руководителя, я стал уважительно относиться к

профессиональным организаторам. Я уже понимал, что для управления страной — я давно отошел от анархических иллюзий моей юности, будто управлять вообще не к чему — нужны не дилетанты, а *подготовленные* управляющие. Естественно, должна быть организация, воспитывающая управляющих. Весь вопрос состоял в том, по какому принципу отбираются кандидаты в такую организацию. Принцип: «Если приходится выбирать между безусловно нашим человеком, но не совсем способным, и не совсем нашим, но очень способным, — у нас необходимо оставить первого», — кажется мне ошибочным с точки зрения его пользы для самой же организации, для дела реального управления страной. Я приводил в пример практику отбора научных кадров. Руководитель семинара предпочитает не того слушателя, который постоянно согласно кивает головой докладчику у доски, а того, кто задает колкие вопросы, старается уличить докладчика (хотя бы то был сам руководитель) в неточностях и ошибках. Такой слушатель проявляет свою способность к самостоятельному научному мышлению. Именно так, вспоминал я, Александр отобрал себе таких выдающихся учеников, как Решетняк и Волков, у меня на глазах. Не принцип согласия, а принцип спора.

«Плохая награда учителю, если ученики остаются все время только учениками. И почему не хотите вы оципать венка моего?» — восклицал Заратустра. И, например, в Англии именно по такому принципу подбирается руководство политических партий: тот, кто выступил с наиболее резкой и обоснованной критикой руководства, тот имеет больше шансов попасть в состав руководства. Мне казалось, что для самих же управителей принцип подбора «поддакивающих наших» неразумен.

Тогда же мы затеяли издавать «газету». Но, так как у нас не было типографии (хотя, впрочем, Юра Кузнецов обещал достать литографский камень), фотометоды безумно дороги (хотя я все время стре-

мился пропагандировать современные технические средства), а микрофильмы никто, как показала практика, не любит читать, реально не было видно, как это осуществить. Если бы в ту пору были распространены аппараты типа ООС, то, может быть, мы попробовали бы притулиться возле одного из них, но их не было.

Поэтому, в ожидании лучших времен, мы издавали просто листки на машинке. Эти листки мы называли «Информация». Источники были самые различные. Надежнейшая информация была от Эрнста (который, разумеется, не знал, как я использую сведения, сообщаемые им мне при наших частых и продолжительных беседах). Он обрабатывал газеты демократических стран: польские, югославские, отчасти чешские, румынские и венгерские. Еще он читал рассекреченную тогда «Документасьон франсез». В частности, мы с ним перевели упоминавшуюся речь Тито в Пуле, которую я сейчас же пустил в обращение. Еще он перевел по моему настоянию речь Карделя о рабочих советах в середине декабря. Но тут нас постигло жестокое «разочарование». Не успел я вручить первые листки перевода сотоварищам, как появился очередной номер журнала «Коммунист», в котором — хотя и мелким шрифтом — была полностью переведена речь Карделя, а крупным шрифтом она сопровождалась умеренной, но категоричной критикой. Так что наш труд в значительной мере обесценивался. Ведь в «Коммунисте» ее напечатали даже без купюр!

Сам я в то время вынул из хранилища «Речь Хрущева» и пустил в оборот. «Правда о Венгрии» была неизменным элементом наших материалов. Ира переводила некоторые статьи из польских газет, которые по мнению Эрнста были интересными, но на которые ему не хватало времени. Переводы эти сначала инкриминировались Вербловской, но когда она пригрозила следователям, что расскажет про это обвинение своей сокамернице — польке, которая

подлежала репатриации в Польшу, то ей в тот же день было зачитано постановление об изменении постановления об обвинении, из которого устранялись все эпизоды, связанные с переводами из польских газет тех или иных статей (речь шла о статьях, подвергавшихся критике в советской прессе, но тем не менее содержащихся в польских газетах, приходивших в СССР по подписке; например, о статьях Яна Котта в «Пшеглёндек культуральны»). Таким образом, в конечном счете, переводы нам не инкриминировались.

Локонова сообщала немного, преимущественно партийно-комсомольскую информацию о том, как плохи ревизионисты и т. п. Шрифтейлик сообщала кое-что о Петрозаводске (где она в свое время училась), о Средней Азии (откуда она только что вернулась). Из различных случайных и относительно случайных источников шла иная информация.

Перечисленные источники сообщали, как правило, достоверную информацию. Во всяком случае, та часть опасной информации, которая была мною признана достойной включения в информационный бюллетень, оказалась по проверке органами ГБ соответствующей действительности. Об этом я заключаю на следующих основаниях. Желая уличить нас в клеветническом подборе информации, они взяли подборку всех наших листков, содержащую более ста отдельных пунктов, и по некоторым пунктам приложили справку из соответствующих местных органов ГБ: «Описанных в документе событий на самом деле не было». Так вот, такие справки (в деле их шесть штук) приколоты против не более, чем десяти утверждений, а по воспоминаниям Бориса — против ровно семи пунктов. Если бы у нас было больше ошибок, они не преминули бы приложить таких справок больше.

Ложная информация восходила к двум источникам. Первый источник — передачи Би-би-си или, скорее, Голоса Америки. Тогда, как известно, эти

радиостанции глушились и в Ленинграде их практически невозможно было слушать. А в Курске, Новгороде, в пригородах Ленинграда — слышать можно было неплохо. Данилов частично записывал передачи — магнитофонов в то время не было, записывая что и как успеет — и сообщал Борису. Тот — мне, но без ссылок на радиостанции, а со ссылками на «надежных людей», которые побывали там. С одной стороны, рос авторитет Бориса в моих глазах: знакомые его знакомых были в разных местах, например, в Хабаровске; с другой, сама по себе информация была очень уж интересной. Не знаю, может быть, Данилов уже не сообщал Борису источников своей осведомленности. Во всяком случае, инструктируя Бориса, я дал ему непреложное указание не пользоваться сообщениями иностранных радиостанций.

Для меня это был вопрос принципа: я — русский, обойдусь без подсказок, своими силами. Меня всегда раздражала очевидная ложь недалеких умов, будто всякая оппозиция правительству имеет своим источником зарубежное вмешательство злых врагов, готовых нас всех скусать. Зная историю, я хорошо помнил аналогичные обвинения черносотенцев, будто революция 1905 года была сделана на японские, а революция 1917 — на немецкие деньги. И как бы ни относился я позднее к опубликованным данным, в частности, к телеграмме кайзеру о субсидии «Правде» в 300 000 марок\*, — очевидно, что корни большевистского движения не в этой субсидии, а в стихийном внутрироссийском движении. Но я отвлекся. Повторяю: я желал обойтись внутрироссийскими средствами, без использования, без апелляции к загранице.

Не могу удержаться, чтобы не сказать, что, хотя я свою задачу исполнял, заграница, кажется, пожелала-таки использовать меня. В 1963 году, уже после моего освобождения, полковник КГБ Виктор Нико-

---

\* Журнал «Вопросы истории», осень 1956.

лаевич Лякин, заместитель начальника ленинградского УКГБ, поведал мне, что НТС в «Посеве»\* опубликовал-де, мой портрет и статью, будто бы я их верный ученик. Я попросил его дать мне эту статью и возможность ответить в советской прессе, что я никогда не был ничьим учеником.

Разве похож я на человека, который будет выполнять чьи-либо указания?

— Ну, мы-то знаем, что вы действовали самостоятельно, — и замял разговор.

Когда полгода спустя в присутствии заступившего его должность полковника Чурсинова я напомнил ему этот разговор, повторив просьбу, Лякин смутился и ничего не ответил. Врал он, что ли? Или НТС врал?

Но к делу. Именно против информации, восходящей к радио, были справки об ее ложности. Не против всех, а против двух или трех сообщений.

Другим источником ложной информации была информация, восходившая к Вишнякову. Я называю эту информацию ложной по двум причинам: существовала бумажка с круглой печатью о том, что описанные события не происходили в действительности, и были показания самого Вишнякова, что он все эти утверждения выдумал. «Выдумал зачем?» «Чтобы отвязаться от Пименова», — ответил он. Но информация Вишнякова была наиболее красочной и далекоидущей. Так, он сообщал о выступлениях солдат против своих офицеров в советских частях; о вооруженных столкновениях где-то в Мурманске и в таком роде. Правда, я отфильтровывал информацию, в том числе и Вишняковскую. Поэтому наиболее сильных его данных — которые именно из-за эффективности мне показались подозрительными — я

---

\* НТС — Народно-Трудовой Союз. Эмигрантская организация, кажется, объединяющая все партии. «Посев», говорят, — его издательство, и то ли журнал, то ли газета.

не включил в листки. Но даже отфильтрованные сообщения Вишнякова оказались ложными на сто процентов.

Еще мы распространяли разного рода стихи: Берггольц, Мандельштама, Гумилева (нескольким стихам мы были обязаны Никите, который, как я позже понял, был последним звеном в цепочке, ведущей к Ахматовой), Гидони — из упомянутого рукописного журнала «Ересь» (например, Слепаковой). Курьезно, но пользовались успехом куски из Асеева «Маяковский начинается»:

Бездельничество, — это все, что непрочно,  
что не овеяно запахом щей,  
не схоже с былью, непривычно, порочно  
и — противоречит порядку вещей.

Порядок же дельно пришел в беспорядок,  
По-разному шли в учрежденьях часы!  
И как ни сверкали клинки на парадах,  
но новая сила легла на весы.

И далее, непременно в нашей пропаганде был Джон Рид.

Будучи глубоко уверен, в неминуемом близком аресте (я даже удивлялся, что́ это они тянут с моим арестом), я больше всего заботился о том, чтобы мое дело было продолжено после моего ареста. В этом духе я разговаривал со всеми, кто мог бы продолжить такую деятельность. В частности, я велел Ире, в случае моего ареста, уведомить всех моих знакомых немедля. Не помню, при каких обстоятельствах, я ей сообщил, что зову Вайля по-эсперантски «Чаров», ибо «вайль» по-немецки, а «чар» по-эсперантски означает одно и то же «ибо» по-русски. На самом деле Чаров была нелегальная кличка Вайля, как Черизов — Вишнякова. Своей — не помню.

Первые подозрения относительно роли Вишнякова родились у меня числа 15 марта, когда во время оче-

редной конспиративной встречи он вдруг заговорил так. У них, в Библиотечном институте, есть Бубулис. Он литовец. Настроен он-де резко против не только советской власти, но и против русских. У него, продолжал Вишняков, есть обширные связи с литовским националистическим партизанским движением. У Бубулиса, дескать, есть возможность от этих подпольных партизан достать оружие. Так вот, надо бы вступить в контакт с Бубулисом, дать ему заказ и достать через него нам оружие. Этот разговор вызвал во мне очень глубокие сомнения в Вишнякове. Я знал немножко Бубулиса и видел, что при всей оппозиционности его настроений он даже близко не знаком ни с кем, кто когда-либо видывал оружие. Я не сомневался, что если предложить оружие членам нашей организации, то они либо не будут знать, что с ним делать, либо разбегутся от страха.

Оружие было нам совершенно бесполезно. Но кому было бы выгодно, чтобы мы, не умея владеть оружием, обзавелись им? Только тем, кто хотел бы иметь самые очевидные доказательства нашей преступной деятельности. Кому был бы выгоден факт наличия нашего контакта с националистической антисоветской и антироссийской организацией? Только тем, кто хотел бы подтвердить навязшую в свое время в зубах догму, будто враги всех мастей всегда объединяются в своей зоологической ненависти к трудовому народу и его вождю (вождям). Вишняков был не дурак, насколько я его знал. Значит, он предлагал своей план не по глупости. Значит... Предложение я отклонил.

Примерно в те же дни состоялся другой разговор с ним. Подхватив мои слова о неминуемом моем аресте в ближайшее время, он предложил мне бежать в Финляндию, пояснив, что у него будто бы есть знакомые, тропа какая-то, по которой с гарантией меня безопасно переведут. Тут у меня не осталось сомнений, кто такой Вишняков. Все предыдущие разговоры с ним всплыли в памяти, и я увидел, что все его

предложения клонятся исключительно к *увеличению бесспорного состава преступления*, причем сам он не сделал ровным счетом ничего из поручавшегося ему.

Ну, допустим, он не знает моего личного отношения к проблеме эмиграции — отношения во все времена определенно отрицательного. У меня в ушах звучали слова Перовской Плеханову, звавшему ее в 1880 году эмигрировать: «Нет, нет. Я останусь здесь погибать вместе с борющимися товарищами»; и она осталась в России с народовольцами, хотя не разделяла ни их программу, ни тактику. Я был целиком согласен с Фигнер, которая в 1933, обращаясь к находившейся в эмиграции жене Кравчинского-Степняка, объясняла ей: «Мы не хотели за границу и не хотим ехать; хотим переживать все, что переживают все русские», — одновременно обращаясь с протестами к Сталину против произвола. Мне казалось, что люди, критически относящиеся к антиконституционной практике управления, полезнее внутри страны, нежели снаружи. Кстати, хочу отметить различие моей позиции сравнительно с близкой, но другой позицией Ахматовой:

«Нет, не под чуждым небосводом,  
И не под сенью вражьих крыл, —  
Но я была с моим народом,  
Где мой народ — к несчастью — был»\*.

У Ахматовой мне неприемлема характеристика заграницы «вражьими крылами», как обязательного пристанища врагов, только и измышляющих как бы навредить моему народу. Я не верю в существование

---

\* При редактировании и сверке цитат, я обнаружил, что в свое время выучил стихи «Реквиема» по неправильному списку. Это место читается у Ахматовой иначе: «вражьих крыл» — нет. Но поскольку я рассказываю о моих прошлых взглядах, я оставляю эту ошибку неисправленной, хотя ясно, что нельзя приписывать Ахматовой те взгляды, которые я тут отстраняю от себя.

у России, Советского Союза врагов. Мне кажется, что миф о врагах и вражьих происках выдуман для того, чтобы проще было ликвидировать свою собственную оппозицию, выросшую на почве чисто внутренних проблем, а также нужен НКВД для того, чтобы оправдать существование своего ненужного стране дорогостоящего аппарата.

Но, допустим, Вишнякову я этого не рассказывал, хотя я это говорил многим. Но ведь всем известно, что у Финляндии имеется соглашение с СССР о выдате политэмигрантов. Но ведь совершенно ясно, переход границы *никогда* нельзя гарантировать. Но очевидно, что если у Вишнякова *есть* столь влиятельные друзья, то он мог бы предложить и осуществить что-нибудь другое, более интересное. Наконец, кому выгодно, если я буду схвачен при попытке перехода границы или даже, если я сумею убежать на Запад? Все тем же, кто хочет представить венгерские события, как плод интриг ЦРУ. Довольно резко ответив Вишнякову, я постарался прекратить разговор. Я стремился не дать понять Вишнякову, что я о нем подумал. Не знаю, удалось ли. Упомянутое «заявление» Кобидзе, послужившее юридическим предлогом для допроса Вишнякова, датировано 20 марта, а описанный разговор происходил между 15 и 18 марта. В процессе следствия следователи, а в 1963 году полковник Лякин неоднократно меня заверяли: «Вы ошибаетесь в отношении Вишнякова», «Мы провокацией не занимаемся»\*.

Я стал обдумывать, как поступить. Рассказать о своих подозрениях? Я помнил, что все подозрения в отношении Этина, особенно всплывшие у меня, когда после почти двух с половиной лет разрыва, он

---

\* В то время не вышли еще такие шедевры литературы как «Мертвая зыбь», «Особое задание», «Возмездие» и др., факт публикации которых должен убедить, что в подобных действиях нет ни грана предосудительного; напротив, они похвальны.

вдруг в декабре 1956 года или в январе 1957 года напросился на встречу со мной, я записал в подробности, с доказательствами, на бумагу и дал кое-кому почитать. И казавшиеся мне неопровержимыми доводы нисколько не убедили, например, Заславского. Он их отверг. Наученный опытом, я ломал голову, как раздобыть улики против Вишнякова, которые убедили бы всех. Пока же я молчал. До дня ареста, до 25 марта, придумать мне ничего не удалось.

Наконец, последнее, что я организовал уже перед самым арестом. Примерно с конца января у меня в доме я стал собирать различных людей, как правило не принадлежащих к организации, и уж во всяком случае — как не принадлежащих к организации. Встречи — капитан Правдин со смаком употреблял слово «сборища», а я не знал, какое существительное русского языка описывает, что полужнакомые собрались не ради девочек и не хлестать водку\*, — происходили по воскресеньям, раз в две недели. Для себя я преследовал следующую цель: мне хотелось лучше разобраться в некоторых узловых исторических моментах. Разумеется, речь шла об истории революции. Я лучше уясню сам себе материал, когда расскажу его вслух, особенно, если слушателей несколько и они активно перебивают меня вопросами. Словом, по анекдоту, бытующему среди преподавателей высшей математики: «Прочел курс в первый раз — студенты поняли. Прочел на второй год — тоже поняли. Прочел на третий — и сам понял».

Поэтому я созывал аудиторию слушать меня, слушать, как я буду думать вслух. Это обещало быть интересным, поэтому знакомые охотно приходили. Но из соображений самолюбий было бы нерезонно все время ораторствовать мне одному. Ира раздра-

---

\* Какое из слов подойдет: встречи, гости, приемы, рауты, суаре?

женно относилась к моему центральному положению, потому что, по ее словам, «мне все в рот смотрели» (что, кстати, было неправдой: Заславский и Орловский спорили со мной, как с равным; Шрифтейлик высмеивала меня; сама Ира руководствовалась «презумпцией жены»: если нечто утверждает муж, значит это неверно). Поэтому я изо всех сил уговаривал других выступать и докладывать на исторические темы, которые они сочтут для себя интересными. Я сделал доклад о Гапоне. С чем выступил Заславский — не помню. Эрнст провел обзор деятельности ВЧК - ОГПУ - НКВД - МГБ по 1938 год. Потом я сделал доклад об оппозиции 1925 - 1927 годов. Были намечены еще очень хорошие темы. Кроме названных лиц присутствовали: Шрифтейлик с Виктором Желновым, Никита с Мариной, Зубер с Корбутом, один раз — Кудрявцев. Конечно, Вербловская. Кажется, Зубер приводила еще кого-то или приводил Заславский? Как попал Кудрявцев, не могу понять, ибо общий принцип отбора лиц — принцип, который я объяснял Ире, — был: «знакомые домами». Позже ходила легенда, будто это была «школа для обучения урокам революции», «перенятие ее навыков». В замыслах у меня этого не было. Технические вопросы мы как раз и не обсуждали, вопреки легенде. Скорее, я, Игорь, Эрнст выискивали закономерности развития, а не рецепты, как нам поступать. (Для смеха стоит упомянуть еще одну версию, получившую некоторое хождение в научных кругах, где слышали про это дело. Уверяли, что будто все эти сборы у меня дома имели целью лишь сексуальное развлечение, а политика была придумана ради лучшего заманивания девочек. По крайней мере, мне в Новосибирске один знакомый уговаривал году в 1965-м: «Девочек и без политики можно было бы обеспечить». Меня так позабавила сия версия, что я даже не стал ее опровергать).

Я уже не в первый раз упоминаю Гапона. Надо бы пояснить, почему. Грубо говоря, мой взгляд на Гапо-

на\* таков: с целью помочь рабочему классу, он использовал свою служебную близость к полиции, злоупотребил доверием градоначальника, создал первый легальный массовый рабочий союз, организовал первую всеобщую политическую забастовку и вызвал демонстрацию 9 января, то есть революцию 1905 года. Желая в декабре 1905-го повторить удачный опыт, он с теми же целями завязал контакты с охранкой, но наткнувшись на этот раз вместо дурака Фуллона на проницательного Рачковского, запутался и стал служить на деле не революции, а охранке.

Проблема Гапона вызывала уйму подчиненных ей самостоятельных проблем. В частности, у нас возникли споры о соотношении легальной и нелегальной деятельности. Мы с Игорем много спорили, в какой мере могла бы разразиться революция, если бы для нее не существовало «легальной щели» в виде гапоновского «Союза русских фабрично-заводских рабочих Санкт-Петербурга» (и другой щели — «банкетной кампании» осенью 1904-го). Проблема усложнялась еще потому, что обе эти «щели» возникли только в результате заведомо нелегальной деятельности: убийства министра внутренних дел Плеве социалистами-революционерами.

В связи с моим последним докладом я обложился стенограммами съездов, марксистскими первоисточниками и начал писать — уже после доклада — статью о мировой революции, об ориентации Ленина и Троцкого в этой связи, о борьбе государственных потребностей с этой догмой, об изменении в составе и руководстве большевистской партии в период последней оппозиции Каменева — Троцкого. Статья начиналась с анализа «Коммунистического манифеста» словами «Что такое социализм?». Затем в тексте следовал ответ цитатами (в том числе и из «Снов Веры Павловны»), а потом рассматривались пути его достижения и т. д. Следователи приняли эти слова

---

\* См. воспоминания Рутенберга, Поссе, Горького о Гапоне.

за заголовок статьи и в следственном деле она — неоконченная — в рукописи хранится, как статья под названием «Что такое социализм».

В марте же я узнал — они мне в этом признались, что ни Марина Таирова, ни Никита Дубрович не были первокурсниками, они были девятиклассниками, им было по шестнадцать лет. Солгали они резонно, опасаясь, что малолетних я не допущу к себе. В этом они не ошиблись. Но вот, что было делать теперь, когда я уже обращался с ними, как со взрослыми?! Прогнать? Бессмысленно, да и в высшей степени оскорбительно. Я предпочел сохранить внешне прежние отношения, исключив из упоминания что-либо, связанное с «революционной деятельностью», и постепенно привести в норму отношения, незаметно для них.

Отступление о лжи несовершеннолетних. Позже мне приходилось знакомиться с другими людьми, которые в молодости солгали либо то, либо иное, дабы проникнуть или утвердиться во взрослом кружке, на участников которого они смотрят снизу вверх. Туда их тянет любопытство, жажда сравняться со взрослыми, такая естественная в юношеском возрасте. Когда они обосновываются во взрослой среде естественно, без обмана, отношения как-то утрясаются, нормализуются. Если же имел место обман, то кончается это — по моим наблюдениям — лютой личной ненавистью, отвращением обманувшего к обманутым. Я не берусь формулировать психологическую закономерность, приводящую к такой переоценке. Я сообщаю просто известные мне факты из жизни российской интеллигенции 1950 — 1960-х годов XX века. Эта переоценка зачастую подхлестывается тем обстоятельством, что, памятуя первую ложь несовершеннолетнего, его начинают необоснованно заподозривать (например, Зубер в мае попрекнула Дубровича, что он-де, «погубил» меня своими показаниями), а тогда нечистая совесть солгавшего хватается за предлог, чтобы уличить «их всех» в

недобросовестности, в беспочвенных огульных подозрениях. Он не видит *отношений* между отдельными членами взрослого кружка: для него они все — *они*, противопоставляемые *ему*. Поэтому все и виноваты в неверном попреке одного. Отсюда быстрый поворот на 180 градусов.

Для меня же их ложь означала еще одно дополнительное обвинение: вовлечение в свои сети несовершеннолетних. Как бы их собственными и многочисленными другими показаниями ни выяснялось, что они просто-напросто обманули меня, привкус нечистоплотности оставался. И потом, руководствуясь заповедями Александра Михайлова и Бориса Савинкова — «никогда не привлекать в организацию несовершеннолетних» — я чувствовал себя, независимо от внешних обвинений, весьма скверно.

С каждым днем марта я все заметнее ощущал, что нелегальная деятельность выдыхается. Возбуждение конституционных чаяний 1956 года улеглось. Я глубоко убежден, что если бы ГБ не вмешалось и не арестовало нас, то мы бы перессорились и разбежались не позже, чем к лету, сами по себе\*. Этому способствовало и то, что я «обманул надежды» на листовки. Мне переставали верить. Исчезло то, что оправдывает в веках всякую заговорщицкую деятельность: единый порыв, всеобщее воодушевление, подразумеваемое согласие всех в том, что так, как прежде, положение оставаться не может. «Конспирацию» и означает-то «совместное дыхание». Я думаю — и смутные мысли об этом зашевелились в моем мозгу в марте 1957 года, что из всей эпопеи с организацией к лету осталась бы разве дружба с Борисом Вайлем да, менее вероятно, с Ингой Локоновой.

Именно такое настроение, что все закончилось «само по себе», побудило меня при последней встрече с Локоновой «с уверенностью» заявить, что «по-

---

\* Сходное чувство было, как я выяснил позже, и у Бориса Вайля.

видимому, опасность ареста миновала». Она мне дала — или взяла от меня? — такой «криминал», как альманах «Литературная Москва». Я помню, что он там фигурировал, ибо я на его форзаце что-то рисовал, объясняя расположение чего-то. Мы встретились в субботу, 23 марта в садике перед Адмиралтейством, часов в 5 вечера. В это время в «большом доме» Вишняков уже давал свои подробные показания, без которых не было юридического повода обращаться к прокурору города за санкцией на мой арест.

Закончу описание этих предарестных месяцев одним эпизодом тех дней. Раз, когда я возвращался около полуночи с работы, мне предстояло свидание с Борисом на улице Халтурина, у определенного дома. С работы я вышел вместе со своим сослуживцем — доцентом, который, кстати, примерно с января стал явно шпионить за мной, подбирая все бумажки, которые я бросал или забывал. Мы поехали троллейбусом: у Витебского вокзала ему надо было выходить. Я попрощался с ним за руку и остался сидеть — троллейбус был полупустой, сказав, что поеду до Невского. Он вышел. В это время наперерез троллейбусу слева подъехало такси, высаживая пассажиров и заблокировало троллейбус. В один миг родилось решение, как избавиться от хвоста-слежки, идя на свидание с Борисом. Я выпрыгнул в только что начавшую закрываться заднюю дверь — никто не мог последовать за мной — и кинулся в еще открытую дверь такси. Не сбрасывая старого счетчика — ведь таксист не имел права брать новых пассажиров здесь, он обязан был подъехать к стоянке, находившейся метрах в 20-ти — шофер дал газ. Около Звенигородской он подкрутил счетчик. Вмиг мы оказались на улице Халтурина рядом с ждущим Борисом. На счетчике было рубля три, у меня была только десятка, у шофера не было сдачи. Я попросил трешку у Бориса, кинул шоферу и мы скрылись в подворотне.

На следствии этот эпизод отозвался двойко. Вербловской капитан Правдин говорил: «Конечно, Пименов неплохой конспиратор и умеет замечать следы. Но он забывает про современную технику». Вайлю следователи внушали мысль, что я жил за его счет (трешка, которую я ему, конечно, не отдал, нынешние 30 копеек), а сам разъезжал на такси и ходил по ресторанам. Меня они соответственно стыдили.

Кстати, о ресторанах, откуда они взялись. Как-то Кузнецов попросил меня прийти к ним в институт для встречи с созданной им группой. Я согласился, но попросил его заранее позаботиться о подходящей аудитории в институте (ЛИСИ). Он заверил, что обеспечит, но в день свидания вдруг объявил, что аудитории нет. Предложил направиться в ресторан или пивную, поговорить там. Сопровождавшие его приятели (помню среди них Акмена) поддержали его. Представляя заранее, как писателями соответствующего жанра разрисовываются «ресторанные встречи», я было отказался наотрез. Но так как погода была скверная и стояла альтернатива: прогнать их и, может быть, рассориться, либо пойти с ними, то я согласился двинуть в столовую на Невском. Там за шторами был отгорожен стол. Они взяли несколько бутылок пива, но пить-то я наотрез отказался, будучи все время на чеку на предмет будущей недобросовестности. Капитан Правдин оправдал-таки мои ожидания, но только в устной форме. Ни в какие обвинения, ни даже в мою характеристику ни «жизнь за счет студента Вайля», ни «пьянки в ресторанах» не попали. Думаю, что Правдину эти обвинения нужны были в основном для того, чтобы вывести нас с Борисом из равновесия, а не сами по себе.

Перечитывая написанное, я обнаружил немалую толику «игрового момента» в моем поведении. Это — не ретроспективная рисовка. Сошлюсь на свидетельство Иры, которая в августе 1957, в тюрьме, писала мне стихи, содержавшие строки:

Мы по Большому ночью шли домой.  
Хрустел мороз под нашими ногами.  
Тогда назвал ты это все — игрой,  
В которой все — рискуют головами.

И далее вопрошала: «Ужель игра тебе всего важнее?» И я сам в апреле писал, имея в виду себя, Бориса, Игоря:

Я не думаю о тех, кто арестован:  
Проиграл свою игру — плати.

## СУД

Я подхожу к описанию самого радостного, самого светлого события в моей жизни. Суд для меня явился праздником, во время которого я увидел, что люди неизмеримо лучше, чем они кажутся на поверхностный взгляд. Вера в людей, в их благородство, — то, что почти совсем замерло в моей душе за 1949-1953 гг., — расцвела и окрепла.

Процесс начался 26 августа. Нас привезли в «воронке». Здание суда помещается на Фонтанке 16. «Воронок» же въезжает в ворота по ул. Пестеля и через проходные дворы (где в то время шел ремонт и все было изрыто канавами, разбросан кирпич) подъезжает к караульной. В «воронке» мы едем вчетвером в общей камере, а Иру, как женщину, везут в маленькой отдельной кабинке. Ей душно, она задыхается. В тот же или на следующий день она пожаловалась начальнику тюрьмы, Луканкину, что ее тошнит, и он распорядился возить ее на своей машине — «Победе». В общей камере мы радуемся встрече, болтаем, обмениваемся новостями. Разговор продолжается в той клетке, куда нас, четверых, заводят, прощмонав. Иру — одну — в клетку напротив. Клеток там мало, но политических от уголовных (как говорят, «бытовиков») тщательно отделяют. Никаких упреков никто из нас никому не бросает. Мы не выясняем, кто больше, кто меньше «выдал». Думается больше о хорошем. Рождается атмосфера товарищества. Сначала — мы с Борисом, потом — я начинаю через коридорчик переговариваться с Ирой. Присоединяется Игорь. И вот мы, четверо, в беседе уже совсем как старые друзья. Несколько в стороне Данилов, который все возмущается «подлостью Невструева», но и он поддается обаянию Бориса. Атмосфера установилась.

Конвой с примкнутыми штыками отводит нас на-

верх. В коридорах и на лестницах — никого знакомого. Суетятся случайные прохожие. Вот и зал суда. Пустой. Адвокаты устремляются к каждому из нас, сидящих за барьером. Через минуту появляется моя мать, отец Иры. Обмен несколькими фразами, и конвой выставляет из зала всех, кроме адвокатов. У нас — карандаши и бумага, которыми тюрьма обязана на период суда обеспечить подсудимых для реального осуществления права на защиту. «Встать, суд идет!». Входят, рассаживаются трое.

Опрос имен и прочих формальных данных. Согласны ли с выбором защитника? У меня, Иры, Игоря — нанятые личные адвокаты. У Бориса, Кости — казенные. Все изъявляют согласие. Получено ли и когда обвинительное заключение? Признает ли подсудимый себя виновным?

Уже принципиальный вопрос. Но адвокат растолковал мне, что в первый раз такой вопрос задается общий, формальный; полный ответ-де, будет даваться позже при подробном допросе каждого. Я отвечаю, что с некоторыми оговорками признаю; об оговорках скажу позже. То же произносит Борис. Игорь признает частично 58—10, не признает виновность 58—11. Данилов признает. Ира — не признает себя ни в чем виновной.

Вызывают по порядку свидетелей, чтобы установить, явились ли. Если кто не явился, то председательствующий Миронов (из раскассированных линейно-дорожных судов) велит секретарю послать повестку. Кончилось. Свидетелям приказано выйти и быть готовыми явиться по вызову суда. Формально так и должно быть: начинаться суд всегда должен публично, а лишь потом судьи решают сделать процесс закрытым и удалить публику.

Борис вносит ходатайство сделать процесс открытым, ибо в нем нет государственной тайны, а по ст. 19 УПК\* только наличие государственной тайны по-

---

\* Ныне ст. 18 УПК.

зволяет делать процесс закрытым. Я поддерживаю ходатайство Вайля. Адвокаты — не поддерживают. Прокурор возражает. Суд отклоняет ходатайство.

Начинается спор между прокурором и адвокатами, с кого начать допрос подсудимых. Адвокаты настаивают — с Пименова. Прокурор Демидов — не с Пименова, а хотя бы с Вайля. Тут он и припоминает, как я вредно влиял на показания Вайля. Райхман находит решающий аргумент.

«Принято начинать допрос не с показаний свидетелей, а с объяснений подсудимых. В данном процессе все прочие обвиняемые фактически являются свидетелями по делу Пименова, как главного обвиняемого. Поэтому надо начать с его объяснений».

Мионов решает, «посоветовавшись на месте», — с меня. Спор шел, по сути, о том, кто будет задавать тон процессу.

Но прежде надо решить еще один процессуальный вопрос. Мой адвокат внес ходатайство о вызове судебно-медицинской экспертизы на предмет установления моей вменяемости. Основания — мое пребывание в сумасшедшем доме восемь лет назад. Суд удовлетворил ходатайство. Назначен эксперт (как это случаются в жизни такие совпадения! — из романов их стараются изгонять) — профессор Случевский, признавший меня по просьбе Фельдмана шизофреником в 1949. Но Случевский — занятый человек. У него сейчас как раз проходят краткосрочные курсы съехавшихся со всей страны полутора десятка будущих судебно-медицинских экспертов. Он категорически отказывается от участия в данном процессе, грозящем затянуться на неделю. Ведь эксперт обязан дать заключение сразу после допроса подсудимого и потом присутствовать в течение всего судебного следствия до самых прений сторон. Значит, пока будут допрашивать прочих обвиняемых и всех свидетелей — 26 человек — он будет терять время. А его подопечные медики будут вместо изучения су-

дебной медицины ходить в кино на командировочные, которые им платит государство. Нет, профессор не желает. Его уговаривают. Уж я не знаю, почему никем заменить его не могли. Кончилось изумительным компромиссом. Профессор согласился прибыть на суд при условии, что суд допустит на свое заседание его подшефных практикантов. Для них присутствие на процессе и наблюдение экспертизы и будет той самой производственной практикой, за которую им платят командировочные. И таким образом была пробита брешь закрытости процесса. Прибыли, как мы шутили, «Кио и его шিশнадцать ассистентов». Зал заполнился. А на миру и смерть красна. Публика. Зрелище.

Тем более, что цирк обещал быть интересным. Ведь, по моему ходатайству ГБ затребовало из психбольницы № 2 «историю болезни». Правдин аккуратно заверил своей подписью и заключение врачей, что при больном изъято воззвание к товарищам бредового сдержания, и то, что приложенное воззвание, как установил следователь капитан ГБ Правдин, текстуально совпадает с произведением Горького «Человек», помещенным на таких-то страницах такого-то тома собрания сочинений... Более того, заверил и выписку из истории болезни, где сказано, что перед выпиской из больницы врачи взяли с больного Пименова Р. И. обещание вернуться в ряды комсомола. Поэтому мне было о чем поговорить с гражданином Случевским. И мы на скамье подсудимых радостно потирали руки, предвкушая веселье.

Разумеется, заглянув мне под веки, постукав по коленке, глубокоуважаемый профессор с тем же апломбом, что в 1949 году, признал меня здоровым, вполне вменяемым, без признаков шизофрении или еще какого-либо душевного заболевания. Но так как неловко было совсем уж уходить без ученого диагноза да еще не обругать меня, дважды его оконфузившего (с первым диагнозом и с Горьким), то Случевский отнес меня к нервно-психологическому ти-

пу «истерических психопатов». В ответ на вопрос Райхмана, вполне ли вменяем «истерический психопат» (ох, как он жаждал получить хотя бы «частичную вменяемость»!), Случевский ответил, что вполне. Сообщил, в виде утешения Райхману, что иногда реакции истерического психопата могут быть не адекватны реальной действительности: чрезмерно бурными, скажем. Мы увидим вскоре, как этой лазейкой воспользовался адвокат.

Итак, я — вменяемый истерический психопат, в недавнем прошлом — шизофреник с бредовыми идеями Алексея Максимовича — стал давать свои объяснения суду. Разумеется, я разъяснил свое признание виновности: виновен в антиправительственной, но не в антисоветской деятельности. Моя деятельность была направлена против тех сталинских порядков (никакие силы небесные ни адвокатские не могли меня принудить пользоваться обтекаемой формулой «культ личности и его последствия») и их пережитков в настоящее время. В качестве такого пережитка я назвал отношение к венгерским событиям. Я признал, что в процессе борьбы с ненавистными мне порядками, борьбы вполне легальной, по моему разумению, — я перехлестнул границы легальности. Сам я эту границу определил для себя так: то, что я делал, не скрывая, — легальное. То, что совершал потаенно, — нелегальное. С этой точки зрения, мои письма и статьи, посылавшиеся в редакции или предназначенные для такой посылки, — легальная деятельность и будет несправедливо их мне инкриминировать. Деятельность же по подготовке листовок, организационная деятельность — нелегальная, и относится к компетенции суда. Факты, относящиеся ко мне лично, я признавал, и широким жестом, несмотря на одергивания рядом сидящей Иры и жестикуляции адвоката, признал за собой еще парочку преступных мелочей, не выясненных на следствии. Со вкусом излагал я свои взгляды. Когда дошел до крестьянского вопроса, один конвоир-но-

вобралец, до того апатичный, поднял голову и стал вслушиваться. В результате моего поведения судья стал верить каждому моему слову в части фактов и моих убеждений. Он видел, что за толкованиями и интерпретациями я не пытаюсь уйти от ответственности. Он понял, что толкования и интерпретации для меня — часть души, а не судебная тактика. Не раз потом, уличая тех или иных свидетелей, он произносил фразу: «Пименов честен».

Примерно так же, с учетом линии, принятой на предварительном следствии, держались прочие подсудимые. Наиболее слабым показалось поведение Данилова, но его охотно извиняли малограмотностью. Заславский, несмотря на обильные покаяния на предварительном следствии, держался с достоинством. Хотя он и выдвигал версию, будто 27 января 1957 решил окончательно порвать со мной из-за политических разногласий (у нас в этот день в самом деле была ссора, вызванная моим скверным характером; к политике она не имела никакого отношения, и Игорь и позже прекрасно ходил к нам в дом), а я эту версию, разумеется, не оспаривал — он не лил на меня грязь и не сваливал на меня ничего. Ира произвела дурное впечатление своим нежеланием признать себя виновной ни в чем, но одним заседателем была женщина, которая с явной симпатией отнеслась к подсудимой-женщине.

Стали вызывать свидетелей. Процедура их допроса такова: первый вопрос принадлежит председательствующему. Потом — заседателям. Если свидетель вызван обвинением, то следующий вопрос — прокурору, потом адвокату. Если вызван защитой — то сначала адвокату или вызванному подсудимому по выбору, потом — прокурору. В последнюю очередь любой подсудимый может задавать вопрос свидетелю. Можно задать вопрос как только что вызванному свидетелю, так и любому из ранее давших показания и сидящих в зале. Свести двух свидетелей на перекрестный допрос. И так далее.

Сначала — два-три бесцветных свидетеля. Но вот появился Кудрявцев. Он повторил, в основном, свои показания на предварительном следствии. Но в живой речи, не отредактированные, слова его зазвучали интереснее, даром что он от себя охотно пользовался термином «антисоветский» применительно к моим высказываниям. Стало яснее, что он вкладывает в этот термин. Так, он изрек:

— Мандельштам — антисоветский автор, *потому что* запрещенный.

Эта логика уже вызвала усмешки, даже у председательствующего. Или он рассказывал:

— На собрании мы решили, что так как у нас статистика засекречена и так как печать помещает далеко не все, что происходит в нашей стране, то надо наладить выпуск своей собственной информации.

— Кто, кто говорил, что статистика у нас засекречена и печать помещает далеко не все, что происходит в нашей стране?! — вскидывается прокурор Демидов.

— Это говорил я, и, по-моему, об этом знают все, — парировал Кудрявцев. Прокурор получил первую пощечину, которых ему пришлось потом выдержать несколько десятков. Свидетель солидаризировался с мнением, которое прокурор готов был объявить антисоветским и инкриминировать подсудимому; только не знал, кому именно: Пименову или Вайлю. А ведь это говорил свидетель обвинения.

Следующим шел Греков, который тоже держался не совсем тривиально. Правда, он по-прежнему прилагал эпитет «антисоветский» к некоторым инкриминируемым высказываниям.

Появился Адамацкий. Слушая его, мы с Вайлем зашевелились. Судья залистал протоколы допросов Адамацкого. Игорь Адамацкий ни много ни мало так сгладил мои высказывания насчет Венгрии, что получалась ни дать ни взять передовая в журнале «Коммунист». Выходило, будто я сначала говорил,

что в Венгрии происходит широкое народное движение, к которому примазались фашисты, превратив его в военный путч. Потом же я — по Адамацкому — заявлял, что это движение полностью выродилось в фашистскую контрреволюцию. Судья попробовал было уличить Игоря его показаниями в «большом доме», но тот отмахнулся, что сейчас-де, помнит гораздо лучше, нежели тогда, ибо много думал об этом после следствия. Тогда председатель пошел на крайнюю меру. Он поднял меня и попросил объяснить, что именно я говорил Адамацкому и другим в Библиотечном институте по поводу Венгрии. У всех в ушах еще звучали мои громкие декларации при моем допросе два дня назад о «революции», «интервенции», «народе». Я с извиняющейся улыбкой, обращенной к Игорю, пояснил суду, что свидетель, должно быть, позабыл мои слова. И повторил свою точку зрения на события в Венгрии. Кстати, с Адамацким связан еще один курьез: председательствующий по запарке позабыл предупредить его об ответственности за отказ от дачи показаний и дачу ложных. В конце допроса Миронов спохватился.

Вызвали Кузнецова. Он отрицал все, кроме знакомства со мной на почве Джона Рида.

Зал, между тем, наполнялся. Ведь каждый свидетель обязан после дачи показаний находиться в зале суда, так как он может понадобиться сторонам для дополнительных вопросов. Председательствующий имеет право его удалить только по согласию сторон\*, то есть прокурора и адвокатов (подсудимых). Желание самого свидетеля в расчет не принимается. Вообще, в отличие от подсудимых, свидетель не пользуется никакими правами на суде. Он обязан отвечать на вопросы. Говорить же сам от себя,

---

\* Ст. 291 Уголовно-процессуального кодекса (старого). В новом УПК это статья 283. Она сформулирована слабее: вместо «не иначе, как с согласия сторон» сказано «не иначе, как по заслушании мнений» сторон.

вносить ходатайства, оставаться или уходить — свидетель не имеет права. Например, Эрнст попробовал было сделать суду заявление о процессуальных нарушениях, допущенных ГБ в предварительном следствии. Миронов его оборвал. Эрнст, произнеся: «Ну, я пришлю это заявление в суд по почте», вынужден был умолкнуть. От нас, подсудимых, зависело, удерживать свидетелей или нет, задать им тот либо иной вопрос. Мы постепенно стали входить во вкус своих прав. Иру и Бориса подмывало воспользоваться правом на отвод суду. (Нам казалось, что Миронов нас не слушает, а спит). Я готов был поддержать, но посоветовался с Райхманом, который замахал руками: с ума вы посходили! Насчет прав подсудимых я из «Не хлебом единым» (автор которой — бывший прокурор) хорошо запомнил сцену суда над Лопаткиным и усвоил, что к суду имею право обращаться только в форме ходатайства. Даже когда хочу задать вопрос, должен говорить: «Ходатайствую о выяснении...» Это мне помогало удерживаться в юридических рамках.

Зал заполнялся и за счет «ассистентов Кио». Они наулыбались вдоволь в день экспертизы. Тогда я и адвокат обыгрывали «Человека». Случевский пытался было выручить врачей.

— А почему вы не объяснили врачам, что это за произведение? Врач же не обязан знать наизусть всю мировую литературу!

— Пробовал.

— Ну, и что же?!

— Усугубляло бред.

Всеобщий хохот, включая судей. Глаза «ассистентов» широко пораскрывались при слушании моих вольных речей в зале суда. Речей, которых они в провинции и шепотом не слыхивали. Но потом «ассистенты» заскучали. Ленинградские кино и магазины поинтереснее. Стали манкировать посещением бесконечно затягивающегося процесса. На их же

место один за другим стали проникать неведомые суду и Случевскому личности — наши друзья. Глянь — там сочувствующая рожица. Тот в перерыве пройдет мимо и бросит словцо. Правда, и некоторые «психи» заинтересовались нами. Начали здороваться по утрам. Одна подошла к Вайлю: «Вы похудели за эти дни».

Словом, процесс становился полуоткрытым.

Он делался полуоткрытым и все открытее с той стороны двери, охраняемой конвойными. Пустые коридоры и лестницы в последний раз встретились нам в наш первый день. Уже на обратном пути, а тем более в следующие дни нас неизменно встречали и провожали группы приветственно машущих знакомых и друзей\*. Были и незнакомые, столь же сочувственно встречавшие нас. И число тех, кто выражал симпатию, с каждым днем росло. Потом я узнал, что свидетели и те, кто вместе с ними соперничал с нами, в это время начинали знакомиться друг с другом. Центральной фигурой, объединявшей всех влекшихся к процессу, был Эрнст. Он своим громовым голосом заставлял оборачиваться к нему. Вслушавшись, человек на первых порах шарахался в ужасе: «Да это явная провокация! Разве можно о таких вещах вслух говорить?!» Но Эрнст, неизменно державшийся в рамках легальности, довольно быстро убеждал человека, что все им сказанное почерпнуто из самых что ни есть законных источников. Разъяснял разницу между «подрывом и свер-

---

\* Нам просто повезло. Когда осенью 1965 года я попытался посмотреть на процесс группы Ронкина, мне не удалось. Были приняты специальные меры, чтобы никто не мог увидеть подсудимых. В частности: шлюзовая система перед залом суда. Ходили по внутренним лестницам. (Группа Ронкина издавала «Колокол», но, видимо, и многое другое. Осуждены: Ронкин и Хахаев на 7 лет, Гаенко и Мошков на 4, Смолкин, Йофе, Зеликсон на 3, Чекотуева и Клеманова на 2. Арестованный Шнитке освобожден до суда).

жением советской власти» и критикой или несогласием с отдельными конкретными действиями тех или иных носителей власти. Подробно анализировал методы допроса, сравнивал их с нормами УПК. Остановившись на неслыханных юридических тонкостях. А главное — он говорил о захватывающе интересных вещах, которых, вроде бы, нигде больше и не услышишь\*. Рассказывал, что ему известно о подсудимых. К нему потянулись — хотя поначалу с опаской, сами ничего не говоря — свидетели, не причастные к моему делу: из Библиотечного института, Локонова и другие. Без него свидетели остались бы каждый замороженной в себе ледышкой. Он растопил лед недоверия, и свидетели сделались спаянной массой.

Вызвали свидетеля Рохлина. Стандартный первый вопрос: «Расскажите, что вам известно по делу». Предыдущие свидетели с той или иной степенью подробности в ответ начинали пересказывать свои показания на предварительном следствии. Фимка же посмотрел невинными глазами на судью и спросил:

— По какому делу?

— По делу Пименова и других, обвиняемых в антисоветской деятельности.

— А мне ничего об антисоветской деятельности Пименова не известно.

— Как неизвестно?! Вы же давали показания на предварительном следствии... вот... на страницах 108—112.

— О чем показания?

И пошло! В простоте слова не вытянуть. И от вся-

---

\* Один конвоир с интересом стал внимать Эрнсту после того, как услышал, что во Франции каждый трудящийся имеет право на оплачиваемый трехнедельный отпуск в год. Разных интересовало разное.

ких «антисоветских» эпитетов настойчиво открещивается.

Следующий свидетель — Машьянова — отрицала все, кроме милого знакомства с Игорем и мной. А дальше все свидетели начинали с заявления, что им-де, ничего об антисоветской деятельности Пименова не известно. Брали назад свои показания на предварительном следствии в той части, в какой там они обличали нас в «антисоветскости». Стало так захватывающе интересно, что я забросил свой собственный протокол судебного заседания и делал совершенно отрывочные и бессистемные записки (чаще всего — намечаемые вопросы к свидетелю).

Помню, меня все время одергивал председательствующий, когда я обращался к свидетелю на «ты» и по имени, запросто. Требовал официального на «вы» и по фамилии. На свидетелей сердился, когда те говорили, обращаясь к нам, а не к суду:

— Свидетель! Вы должны говорить суду, а не подсудимым!

Тогда вставал я и вносил ходатайство, чтобы свидетель, говоря суду, говорил громче, ибо у меня сорок процентов слуха (что правда) и я ничего не слышу. Свидетель снова поворачивался ко мне... Словом, было весело.

Один за другим свидетели повторяли, так или иначе варьируя, фразу:

— Отказаться подписать я не мог, но это не моя формулировка.

Другие поясняли: тогда-де, следователь убедил меня, что эти взгляды антисоветские. Сейчас я вижу, что они — не антисоветские.

Вскрывались такие детали: в протоколе в ответе на вопрос о моей антисоветской деятельности написано, например, «Вел частые разговоры о фашизме». Спрашиваешь свидетеля:

— Как и что говорил я о фашизме?

— Отрицательно о нем отзывался.

— Так почему же это антисоветское?!

— Да следователь мне сказал: подпишите здесь, я и подписал...

Другие объясняли — скорее нам, чем суду — почему они дали показания:

— Мне напоминали, читая показания всех предыдущих свидетелей...

Зубер с горечью и упреком произнесла:

— Сначала мне зачитывали показания Заславского и Вербловской. А под конец... и Пименова...

Все отчетливее вырисовывалась демонстрация сочувствия и солидарности, вызов, бросаемый обвинению и суду со стороны свидетелей. И не вызвало ни у кого удивления, когда Зубер почти выкрикнула:

— Я делала то же, что они! За что вы их судите? Пустите меня на скамью подсудимых! — и со свидетельского места направилась к нашему барьеру. Дубрович ринулся доказывать, что это он, Дубрович, влиял на меня, Пименова, и увлекал в «революционную деятельность». При этом он, как свое теперешнее мнение, высказал убеждение о «генерал-губернаторстве» в связи с Венгрией.

Отдельные свидетели, выпадавшие из общего тона, например, Вишняков (попавший под перекрестный огонь защитников и подсудимых, которого не стеснялись в зале суда именовать провокатором)\* или Бубулис, скверно владеющий русским языком, — не меняли картины атаки на суд. Бубулис, запинаясь, произнес, что «на собраниях мы делали выступления против ошибок культа Сталина и нападения на органы КГБ», явно путая «нападки» и «нападения». Как свидетель он прошел незамеченным. Незаметно

---

\* Любопытно мнение Вили: «Вишняков не может быть провокатором: у него отвратительная, слишком провокаторская внешность. Такие только в кино бывают».

держался и Хайфиц. По врожденной мягкости и деликатности он не позволил себе никакого вызова в поведении. Нас, подсудимых, настроенных агрессивно и воинственно возбужденных всеобщим духом враждебности к прокурору и к суду, его дипломатические и вежливые ответы разочаровали. Свидетели же, напротив, узнав, что Владимир — автор «Правды о Венгрии», стали смотреть на него с почтением. Но, насколько я могу вспомнить, это были единственные свидетели, которые не были приняты нами как бесспорно свои. Общую же оценку свидетелей передам тогдашними словами Иры:

— Хороши все-таки цыплята, при всем при том!

Конвой растерялся. Лейтенант, командовавший им, в недоумении говорил нам: «Первый раз в жизни вижу такой процесс». То же свидетельствует и Виля, которая слышала от солдата фразу:

— Обычно на суде подсудимых жалеют родственники. Плачут о них. Но чтобы все свидетели в один голос заявляли, что они на стороне подсудимых — при мне не бывало.

А демонстрация поддержки на лестницах и в коридорах росла. Приходили и приезжали все новые и новые лица. Все уборные были забиты записками нам, бумагой, карандашами и... обломками лезвий — точить карандаши! Это я узнал уже позже, ибо нас не водили в общие уборные, а если и водили, то исключительно в присутствии двух конвойных по одному. Меня умилило полное невежество наших друзей, воображавших, будто нам потребуются лезвия точить карандаши! Адамацкий носился с идеей сфотографировать нас, но, кажется, ни у кого не нашлось фотоаппарата, такие мы были все голодранцы.

Процесс затягивался не на неделю, а на 10 и более дней. Заседательница Солдаткина пугалась, что у нее срывается отпуск. Зал суда более заполнялся нашими друзьями: 16 медиков плюс 21 свидетель равны числу, до которого конвою сосчитать трудно-

вато... Все чаще председательствующий покрикивал на сидящих в зале: «Прекратите писать!», «Не пишите, а то я вас удалю из зала!», «Свидетель, отдайте ваши записки!». Но записи делались и сохранялись, как будет видно, когда я перейду к прениям сторон.

В день, когда делались разного рода дополнения к судебному следствию, 3 сентября, я заявил суду о допущенных, по моему мнению, нарушениях на предварительном следствии. Меня поддержал Вайль. Вот извлечение из записки этого заседания (в редакции Орловского):

*«Пименов.* Я желаю сделать заявление о неправильных методах следствия. Были случаи, когда свидетелей уговаривали изменить показания\* (приводит примеры)\*\*, вставляли в их показания те или иные слова, например, характеристику моих высказываний как антисоветских. Причем я об этом говорил еще на следствии прокурору, но прокурор — здесь присутствующий гражданин Демидов — ответил, что важно содержание моих высказываний, а не их оценка свидетелями; оценку-де, будет давать суд. Сейчас видно, что совсем не так, и сам гражданин Демидов то и дело ссылается на то, что тот или иной свидетель называл на предварительном следствии мои высказывания антисоветскими. Я это говорю не затем, чтобы следствие по моему делу началось сначала, а затем, чтобы в следующих делах, например в деле Тельникова, такие нарушения, по возможности, не повторялись.

*Вайль.* Я также желаю сделать заявление. Прежде всего, статья 206 УПК не была полностью выполнена. Мне не дали прочесть все дело полностью, заявив: Вы читайте то, что вас касается, а

---

\* Ст. 158 УПК (нового) гласит: «Наводящие вопросы (свидетелю) не допускаются».

\*\* Наверное, тут я привел пример с изменением показания Зубер, о чем я говорил и Меньшакову.

сочинений Пименова вам читать незачем. Кроме того, в деле я не нашел одного из протоколов допросов от середины июня 1957, допроса, который производил капитан Егоров.

*Председатель.* Это какой капитан Егоров? Тот, который ведет дело Щербакова?

*Вайль.* Да.

*Председатель.* Вы, Вайль, вероятно, просто плохо искали, я думаю, этот протокол в деле есть.

*Вайль.* Нет, его там нет».

Протокола этого, помнится и мне, в деле-таки нет. И, думается, не случайно: ведь он сводился к вопросу, знает ли Вайль Щербакова и отрицательному ответу Вайля, а такой протокол был бы невыгоден Егорову. Основная причина, по какой я заговорил о нарушениях: мне хотелось поставить своих друзей в известность о готовящемся процессе Трофимова — Тельникова. Эрнст, в свою очередь, настойчиво и неоднократно писал о замеченных им нарушениях законности при обысках и на следствии. Суд отказался его выслушивать, ленинградская прокуратура отнекивалась. Но, в конце концов, он получил такой завершающий ответ:

(Герб)

Прокуратура СССР  
ПРОКУРАТУРА  
Российской Советской  
Федеративной  
Социалистической  
Республики

Отдел

«10» V 1958 г.

№ 9 (3-2381-57)

При ответе ссылаться  
на н/№ и дату  
Москва, Центр,  
Кузнецкий мост,  
д. № 13

гор. Ленинград, Б-136,  
ул. Ленина, 11, кв. 11  
Орловскому Э. С.

Ваше заявление о незаконном изъятии различной литературы нами проверено. Из материалов дела по обвинению Пименова и др. видно, что при обыске 25 марта 1957 года сотрудниками УКГБ по Ленинградской области у Вас было изъято 14 наименований литературы, различных статей и других документов

политического характера, из которых 10 наименований Вам возвращены, а остальные уничтожены.

Проверкой установлено, что изъятие статей и литературы сотрудниками УКГБ у Вас произведено необоснованно, на что соответствующим должностным лицам указано.

Зам. Прокурора РСФСР  
Государственный советник юстиции  
3 класса (Узунов)

Не скажу, что это очень вразумительный ответ, но все же он лишний раз подтверждает, что в ту пору законность восстанавливалась.

4 сентября прокурор Демидов произнес клеймящую речь, которую я попытаюсь реконструировать на основе разрозненных записей Орловского, Вайля и моих собственных. Записи Эрнста представляют собой сжатый конспект той речи, а наши с Борисом — дословные цитаты отдельных мест, почему-либо обративших на себя наше внимание. Эти дословные цитаты будут в тексте выделены. Перед своей речью прокурор, найдя, что мы с Ирой чрезмерно, неприлично для стен суда, милуемся, велел нам рассесть в противоположные концы «скамьи подсудимых» (фактически мы сидели на стульях).

«Товарищи судьи!

*Когда я смотрю на молодых людей, сидящих на скамье подсудимых, то невольно вспоминаю других молодых людей: Ульяну Громову, Олега Кошевого, Зою Космодемьянскую, отдавших жизни за нашу Родину. Здесь тоже молодежь, но другая. Именно такая, немарксистски настроенная молодежь, как люди, сидящие на семье подсудимых, участвовала в событиях в Венгрии.*

Начну с главного подсудимого. Посмотрите на Пименова. Он сидит здесь, *полон сознания внут-*

ренного благородства. Как же! Он, по своему мнению, борется со злом! Но Пименов борется со злом, которого не существует, борется способами, опасными для государства. Нет, Пименов никакой не глашатай новых идей. Он настоящий мракобес, поставивший своей целью вдохнуть новую жизнь в реакционную философию Ницше. Пименов оскорбляет народ. Послушайте, что он пишет отцу в порыве откровенности (зачитывает письмо от 10 октября 1954 года). А вот, что он писал в марте 1955 (зачитывает).

Утверждалось, будто Пименов — сторонник социализма, будто даже Вайль изменил свои взгляды под влиянием Пименова. Но, товарищи, судьи, это совершенно бездоказательно. Ни из чего не следует подтверждение, будто Вайль под влиянием Пименова изменился из сторонника капитализма в приверженца социализма... Мы не можем, как того требовал Пименов, следовать Гапону... В любой статье Пименова, если не на каждой странице, то через страницу — вы найдете у него высказывания против партии.

Конечно, мировоззрение Пименова складывалось в неблагоприятных обстоятельствах. То, что он видел в бухте Нагаево в 1943 году — картина не из веселых. Но мы сейчас все полны решимости устранить нарушения законности, и Пименов не имеет права спекулировать на борьбе с ошибками прошлого, присваивать себе монополию на их устранение! Ни одним из свидетелей не опровергается, что с 1949 года Пименов вел антисоветскую деятельность. Именно в этой связи комитет ВЛКСМ направил его в 1949 году в психиатрическую больницу. Но Пименов продолжал преступную деятельность. В этом, конечно, велика роль его отца, ныне арестованного Щербакова. Вот, что пишет Пименов отцу 3 июля 1952 года: «Ты научил меня думать самостоятельно». В 1949—1951 гг. были сти-

хи, разговоры антисоветского содержания. В 1954 году Пименов переходит к более серьезной деятельности: он пишет антисоветскую статью «Судьбы Русской революции». В 1956 году он сочиняет антисоветское послесловие «По поводу речи Хрущева». Осенью 1956 года он рассылает письма депутатам, пишет «Венгерские тезисы». Тут пытались проводить различие между этими документами. С точки зрения закона, *нет никакой разницы между письмами депутатам, тезисами «Венгерская революция» и «Правдой о Венгрии».* В то же время Пименов обращается к отцу, проживающему в Москве, с просьбой передать антисоветские статьи Пименова в югославское и польское посольства.

Деятельность Пименова приобретает организационные рамки. 13 февраля 1957 года на квартире Пименова происходит *совещание Пименова, Заславского и Зубер-Яникун* по вопросу о создании нелегальной организации. После этого Пименов обращается к Корбуту с предложением вступить в созданную организацию.

С декабря 1956 года действует под руководством Пименова группа в Библиотечном институте, в которой принимают участие и представители из Метеорологического института. Первая беседа проходила еще в разговорах *о легальной борьбе за расширение демократических свобод.* Но уже в феврале 1957 года всю подготовку вели листовки. Пименов лично изготовил негатив и передал его Вишнякову, чтобы выпустить листовку ко дню выборов 3 марта. *Листовки предполагалось опускать в почтовые ящики, оставлять в кабинках для голосования и т. д.* Часть листовок намечалось послать в Курск, где их распространял бы соучастник *Данилов.*

Не первый раз Пименов стремится создать организацию. Еще в 1955 году он дал задание своему *единомышленнику Заславскому договориться*

в Москве о совместной антисоветской работе с некоей Машьяновой. В том же году он писал отцу про деятельность в Ленинграде «Клуба имени Эйнштейна» и «Библиотеки русской революции». Ну, конечно, под такими академическими вывесками легче замаскировать антисоветскую деятельность!

Осенью 1956 года Пименов нащупывает контакт с группой Хайфица — Хайкина — Локоновой — Братман. Правда, дело в отношении их прекращено за нецелесообразностью, но это не снимает вины с Пименова. К этой же группе принадлежала еще Валя Налетова.

А что происходило на квартире у Пименова? Свидетель Кудрявцев признал, что им выдвигался лозунг за национализм в Прибалтике. Правда, нет, как будто, неопровержимых доказательств антисоветской деятельности на квартире Пименова—Вербловской. Но они говорили о чем угодно, а, значит, и о борьбе против советской власти, это бесспорно, стенограмм-то у нас нет того, что творилось на квартире.

В марте 1957 года, в ожидании ареста, Вербловская обещала Пименову познакомить Вайля с Локоновой, чтобы преступная антисоветская деятельность не прервалась. Это было пожелание самого Пименова.

В марте же Пименов начинает писать антисоветскую статью «Что такое социализм?»

Я обвиняю Пименова по статьям 58<sup>10</sup> ч. I и 58<sup>11</sup> УК РСФСР. Конечно, если взять закон буквально, то в таком виде, как изложено в законе, антисоветской пропаганды в действиях Пименова нет, то есть нет «призывов к подрыву, свержению или ослаблению советской власти». Но закон следует толковать разумно, в духе сложившейся практики по таким делам. Мы не проводим вообще грани между антиправительственной и антисоветской деятельностью. Всюду, например, в «По по-

воду речи Хрущева» содержатся выпады против Коммунистической партии. Теоретически сведения имели место, и неоднократно, в так называемой «информации». Я полагаю, что этого достаточно о Пименове.

Перейду к другим подсудимым. (Сказано буквально всего несколько слов). Я не настаиваю на обвинении Вербловской по статье 58-11.

Чтобы у нас не повторились будапештские события, мы должны наказать как можно суровее подсудимых. Поэтому я прошу суд подвергнуть Пименова лишению свободы на 6—7 лет, и 3—4 года лишения свободы для Вайля не будет чрезмерным наказанием. Остальных можно приговорить к несколько меньшему наказанию. Из них выделяется Заславский...»

Говорил Демидов с пафосом, декламативно. Разумеется, гораздо длиннее, чем тут записано. По длине его речь была сравнима с помещаемой далее речью Райхмана, но ту, по естественным симпатиям, мы записывали подробнее.

Как видно, снова (как в обвинительном заключении) не было никакой попытки доказать, что деятельность была антисоветской. Все время подчеркивалось — я не марксист по убеждениям. Но в резолютивной части прокурор проявил неожиданную мягкость, ибо ч. I ст. 58<sup>10</sup> предусматривала до 10 лет лишения свободы, и слова «как можно суровее» не вязались с «шестью-семью годами» главному обвиняемому. Это можно объяснить циркулировавшими тогда слухами о пересмотре уголовного кодекса; причем, говорили, что по ст. 58<sup>10</sup> максимум будет 5—7 лет. Неудивительно, если Демидов равнялся на предстоящие перемены.

В сентябре Райхман произнес свою речь в мою защиту. Привожу ее в редакции Орловского.

## «Товарищи судьи!

Редко столь талантливые люди, как Пименов, оказываются на скамье подсудимых. Пименов — автор научных работ по математике, имеющих большое научное значение. Одну из них он докладывал на Всесоюзном съезде по математике в 1956 году. Он обладает глубокими познаниями по ряду разделов физики и астрономии, и не случайно Академия Наук СССР прислала ему приглашение на совещание по космогонии уже после его ареста. Вместе с тем, он много занимался изучением философии. Маркса, Энгельса, Ленина он знает почти наизусть. Но, кроме них, он много читал Канта, Ницше, Штирнера и других философов. В области истории он больше всего занимался историей революционного движения в России и написал ряд статей об этой области. Он владеет рядом иностранных языков — английским, французским, немецким, шведским, норвежским, датским, польским и другими. Кроме всего этого, он еще пишет стихи и пьесы.

Как же мог такой человек попасть на скамью подсудимых? По мнению товарища прокурора, причина этого — Ницше. Но неужели товарищ прокурор всерьез полагает, что философия Ницше столь привлекательна и столь хорошо соответствует современной действительности, что достаточно было Пименову прочесть Ницше, чтобы отказаться от марксизма и вступить на тот путь, который привел его на скамью подсудимых? Нет, не Ницше — причина этого! Причину эту очень хорошо изложил товарищ Хрущев в своей речи «За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа». Товарищ Хрущев говорит:

«Следует признать, что в среде интеллигенции нашлись отдельные люди, которые начали терять почву под ногами, проявлять шатания и колебания в оценке ряда сложных идеологических вопросов, связанных с преодолением последствий культа личности. Чем объяснить подобные шатания и колебания

отдельных представителей из среды деятелей литературы и искусства? По-моему, это произошло потому, что некоторые товарищи односторонне, неправильно поняли существо партийной критики культуры личности Сталина».

Вот как ставит вопрос товарищ Хрущев. Именно этим и объясняются заблуждения Пименова.

Конечно, Пименов во многом ошибался и ошибается; многое он понимает неправильно. Но ведь это только в США судят за неправильные мысли. У нас не США, у нас нельзя судить за неправильные мысли, а можно судить только за действия, направленные против советской власти.

Товарищ прокурор в своей речи все время подчеркивал, что Пименов по ряду вопросов стоит на немарксистских позициях. Из его речи вытекало, что этого достаточно для того, чтобы признать Пименова виновным. Но так ли это? Конечно нет!

Посмотрим, что говорит по этому поводу товарищ Мао Цзэ-дун в своей речи «К вопросу о правильном разрешении противоречий внутри народа»\*. Товарищ Мао Цзэ-дун говорит:

«Задают вопрос: поскольку в нашей стране большинство людей признает марксизм руководящей идеологией, то можно ли критиковать его? Конечно, можно. Марксизм является научной истиной, он не боится критики. Если бы марксизм боялся критики, если бы марксизм можно было ниспровергнуть критикой, то он был бы никуда не годным... Марксисты не должны бояться критики со стороны любого человека. Наоборот, марксисты должны закаляться, расти и расширять свои позиции в условиях критики со стороны людей, в буре борьбы. Борьбу с ошибочными взглядами можно сравнить с прививкой оспы: благодаря воздействию вакцины увеличивается иммунитет организма. Выращенное в теплице не

---

\* Опубликовано в СССР Госполитиздатом массовым тиражом в феврале 1957 года.

может иметь огромной жизнестойкости. Осуществление курсов «Пусть расцветает 100 цветов» и «Пусть соперничает 100 школ» не ослабит руководящее положение марксизма в идеологическом мире а наоборот, усилит такое положение».

И далее тов. Мао Цзэ-дун продолжает:

«Какого же курса следует придерживаться в отношении немарксистских взглядов? В отношении явных контрреволюционеров и подрывающих дело социализма элементов вопрос решается легко: их попросту лишают свободы слова. Иначе обстоит дело с ошибочными взглядами внутри народа. Можно ли запретить такие взгляды, не давать никакой возможности высказывать такие взгляды? Конечно, нельзя. Применение упрощенческих методов для разрешения идеологических вопросов внутри народа, для разрешения вопросов духовного мира не только неэффективно, но и чрезвычайно вредно. Можно не разрешать высказывать ошибочные мнения, но они все равно будут существовать. А правильные мнения, если они выращены в теплице, не сталкиваясь с ветром и дождем, если они не приобрели иммунитета, не смогут одержать победы, когда встретятся с ошибочными мнениями. Поэтому только методом дискуссий, методом критики и методом раскрытия истины можно по-настоящему развить правильные мнения и изжить ошибочные, можно по-настоящему разрешать вопросы».

Товарищ Мао Цзэ-дун говорит о буржуазной и мелкобуржуазной идеологии:

«Мы не должны, прибегая к методам подавления, не допускать проявления этой идеологии, а должны допускать ее проявления и одновременно, когда она проявится, разворачивать диспуты, проводить соответствующую критику... Критика должна основываться на научном анализе, быть достаточно убедительной. Путем догматической критики нельзя разрешать вопросы. Мы выступаем против всех ядовитых трав, однако, мы должны со всей осторожно-

стью распознавать, что является ядовитой травой, а что — настоящим благоухающим цветком».

Когда я слушал речь товарища прокурора, меня неоднократно охватывало сомнение: читал ли товарищ прокурор эти слова товарища Мао Цзэ-дуна, согласен ли он с ними? Значительная часть речи товарища прокурора состояла в осуждении тех или иных взглядов или мнений подсудимого Пименова.

Вот, пожалуй, наиболее яркий пример. Прокурор осуждает мнение Пименова, что следует добиваться дальнейшей демократизации, расширения прав местных органов, полного исправления ошибок, совершенных в период культа личности. «Сколько можно говорить о демократизации, об исправлении ошибок! — восклицал товарищ прокурор, — поговорили об этом, ошибки исправлены, и хватит. Больше говорить об этом не следует». Однако партия ставит вопрос не так. Партийная печать призывает к борьбе за дальнейшую демократизацию, к расширению прав местных органов власти, к еще более широкому привлечению трудящихся к управлению делами государства. Берем журнал «Коммунист» № 11 за этот год и читаем на стр. 54:

«Решающей политической гарантией обеспечения законности является дальнейшее укрепление советской демократии, еще более широкое привлечение трудящихся к управлению делами государства...»

Таким образом, партийная печать отнюдь не придерживается мнения, высказанного товарищем прокурором, будто давно пора перестать говорить о дальнейшей демократизации. Если взять последние номера журнала «Коммунист», то мы увидим, что не только процитированный И. Александров, но и целый ряд авторов высказывает различные предложения, направленные на то, чтобы до конца устранить последствия культа личности и не допустить повторения подобных явлений.

(Приводит цитаты.)

Ясно, что для укрепления советской демократии, для улучшения законодательства большое значение имеет активность широких масс трудящихся, внесение ими своих предложений, которые, естественно, не все окажутся приемлемыми, но в результате обсуждения которых могут быть найдены меры для дальнейшего укрепления советской демократии. Разумеется, все эти предложения и обсуждения должны быть в рамках закона. Известно, что Пименов неоднократно, и в частности в своих тезисах «Венгерская революция», утверждал, что надо добиваться дальнейшей демократизации, действуя в строгих рамках закона, исключительно легальными средствами. Слушая речь товарища прокурора, я не понял четко: преступна ли, по мнению товарища прокурора, борьба за демократизацию в рамках закона, в свете решений XX съезда партии?

Одной из причин, приведших Пименова и его товарищей на скамью подсудимых, является слабость воспитательной работы среди молодежи. Молодежь не всегда обладает достаточным опытом, чтобы суметь сразу правильно понять те или иные явления общественной жизни. Старшие товарищи, преподаватели, коммунисты должны помочь молодежи разобраться в этих вопросах. Однако на практике часто воспитание подменяется администрированием. Разве не позор для комсомольской организации Университета, что когда Пименов в 1949 году подал заявление о выходе из комсомола, они решили перевоспитать его путем... направления его в сумасшедший дом? Несмотря на то, что Пименов психически здоров, он 42 дня находился в сумасшедшем доме. Нетрудно понять, как это подействовало на него. В его дневнике того времени мы читаем:

«Меня охватывает чувство злобы и ярости против тех, кто в этом виновен».

Другим примером подмены воспитания администрированием является отношение некоторых руководителей к желанию молодежи обсудить те или иные

вопросы литературы, искусства и т. д. Разве партия против обсуждения творчества, скажем, Пикассо? Конечно, нет. А вот в некоторых учебных заведениях Ленинграда такое обсуждение запретили, вместо того, чтобы самим организовать его и руководить им. Это было серьезной ошибкой.

Как известно, запретный плод сладок. И вот, 21 декабря 1955 года группа молодежи собирается на площади Искусств, чтобы здесь поговорить о Пикассо. Тут происходит вторая ошибка: на площади Искусств появляется наряд милиции, разгоняют молодежь. Когда же на обсуждении в Ленинградском отделении Союза Художников выставляли ленинградских художников и когда одна студентка заявила, что это неправильно, что хотя она и не понимает Пикассо, но запрещение обсуждать его творчество — это аракчеевский режим в искусстве, — то ее «на минутку» задерживают. Нетрудно понять, что все это вызвало сильное возбуждение в среде молодежи. Это сыграло большую роль и в действиях тех пяти лиц, которые сидят перед нами на скамье подсудимых. Можно с уверенностью сказать, что если бы не то, что произошло 21 декабря, то ни один из этих пяти молодых людей (кроме, разве, Пименова) не оказался бы на скамье подсудимых.

Как получилось, что некоторая часть молодежи прислушивалась к Пименову? Одна из причин этого в том, что слишком много начетничества и талмудизма в лекциях по основам марксизма-ленинизма и другим общественным наукам. Не получая ответа на свои недоумения у преподавателей, юноши и девушки искали его в другом месте. Но разве преподаватели общественных наук не могут быть столь же эрудированными, как Пименов? Конечно, могут, и должны. Разве нельзя устраивать больше дискуссий, диспутов и т. п.? Конечно, можно. Раньше ведь такие дискуссии проводились.

Товарищ прокурор утверждал: «Пименов осуждал все, что у нас, восхвалял все то, что за границей».

Это утверждение бездоказательно, более того — неверно. Прежде всего, неверно, будто он «осуждал все у нас». Известно, с каким восторгом встречал он многие решения партии и правительства последних лет. Да и до этого он никогда не «осуждал все, что у нас». Что касается «восхваления того, что за границей», то, во-первых, он «восхвалял» далеко не «все», а во-вторых, следует иметь в виду, что слова «за границей» имеют сейчас для нас совсем другой смысл, чем 10—20 лет тому назад. Китай, Польша, Югославия — это страны социалистического лагеря. Это уже не «заграница» в том смысле, в каком мы понимали это слово раньше. Разве может согласие с тем или иным положением братских компартий быть антисоветским? А ведь, утверждая, что Пименов восхваляет все то, что за границей, прокурор имел в виду поддержку им идеи рабочих советов, выдвинутой Союзом коммунистов Югославии, идеи о преимущественном развитии госхозов перед колхозами, выдвинутой коммунистической партией Китая, и т. п. Возможно, что Пименов ошибается, полагая, что эти идеи можно и нужно осуществить также и у нас. Но разве от этого мнение Пименова становится антисоветским?

Товарищ прокурор исходил из предположения о возможности повторения у нас венгерских событий. Чтобы предотвратить такую возможность, мы должны по мнению товарища прокурора, сурово наказывать лиц, подобных Пименову, Вайлю и пр. Это есть так называемый «политический подход» к решению судебных дел. По этому поводу журнал «Коммунист» в № 11 за 1957 год на стр. 58 пишет:

«Противоречат социалистической законности попытки противопоставить ей «политический подход». В самом деле, правильный политический подход — это подход с позиции социалистической законности».

На этом я закончу вступительную часть своей речи и перейду к разбору отдельных эпизодов, инкриминируемых Пименову.

Прежде всего, ему вменяются в вину антисоветские разговоры в период 1949—54 годов, а также письма и записи в дневнике за этот же период.

1. *Разговоры.* Данный эпизод не подтвердился в ходе судебного следствия. Согласно статье 23 «Основ уголовного судопроизводства СССР и союзных республик» в основу приговора могут быть положены лишь факты, проверенные в судебном заседании. Товарищ прокурор говорил здесь о том, что этот эпизод «подтвердили» многие свидетели, но товарищ прокурор, вероятно, запамятовал, ибо из всех свидетелей один лишь Орловский знал Пименова до 1954 года, но он ничего не говорил о каких-либо антисоветских высказываниях Пименова.

2. *Письма Пименова к отцу периода 1949—1954 годов.* Прокурор утверждает, что эти письма содержат антисоветскую агитацию. Однако этот эпизод не исследован в достаточной степени. Прежде всего, не допрошен адресат писем — отец Пименова — Щербаков. А его показания имеют важное значение для установления точного смысла ряда неясных мест в письмах, а также для установления обстоятельств, при которых эти письма были написаны. Сейчас Щербаков находится под следствием по обвинению в том, что он писал Пименову письма, содержащие антисоветскую агитацию. Дело Щербакова выделено в отдельное производство. Тем самым грубо нарушена статья 117 УПК РСФСР!\* Если бы дело Щербакова и Пименова слушалось вместе, то вряд ли прокурор мог бы одновременно утверждать, что Пименов агитировал Щербакова, а Щербаков — Пименова. Кто кого агитировал, на следствии не проверено, а, между тем, это имеет важное значение для дела. Товарищ прокурор зачитывал здесь одно из писем Пименова к отцу, где он пренебрежительно отзывается о нашем народе:

---

\* В новом УПК это ст. 26. В старом — она не столь категорична.

«Такие люди не заслуживают того, чтобы за них умирать. Это какие-то вши дрожащие».

Но было ли такое мнение о народе у Пименова твердым, окончательно сложившимся, всегда ли он высказывал такие взгляды на народ? Из дневника его видно, что нет — не всегда. Это было мимолетное мнение, возникшее под впечатлением тех или иных обстоятельств. Из заключения психиатрической экспертизы вы слышали, что разные случайные впечатления могут оказать на Пименова чрезвычайно сильное воздействие ввиду его психопатичности.

3. *Стихи из дневника (1949—1950)*. Эти стихи, действительно, антисоветского содержания. Они направлены, в основном, против культа личности Сталина и неправильных действий органов госбезопасности. Следует сказать, что все записи в дневнике, в том числе стихи, сделаны Пименовым лично для себя, никто никогда этих стихов и дневников не читал.

По мнению прокурора, антисоветские записи в дневнике сами по себе составляют состав преступления. Я не могу с этим согласиться. Вот у меня в руках «Курс уголовного права», часть особенная, издания 1955 года. В ней мы читаем: если нет умысла на распространение — нет состава преступления. При хранении каэровской литературы необходимо, чтобы лицо сознавало, что хранение производится с целью распространения\*.

Вы зря улыбаетесь, товарищ прокурор! Я прекрасно понимаю, что курс уголовного права — это не закон. Но это мнение авторитетных ученых, специалистов по уголовному праву, о том, как толковать закон. Может быть, вы можете показать учебник

---

\* В новом «Комментированном УК» в п. 10 комментария к ст. 70 прямо сказано: «Хранение указанной литературы является антисоветской агитацией или пропагандой только в том случае, когда оно осуществляется с целью использования в дальнейшем этой литературы для подрыва или ослабления советской власти» (стр. 169).

или научный труд, где статья 58<sup>10</sup> толковалась бы иначе?

Приведу еще простой пример. Допустим, у кого-то дома с 1920-х годов лежит брошюра, изданная при белогвардейцах. Лежит один экземпляр брошюры, и владелец ее никому не показывает. Можно ли его судить по ст. 58<sup>10</sup>? По-моему, совершенно очевидно, что нет. Но тем более это относится к дневникам. Дневник пишется для себя и поэтому никак не может быть средством антисоветской агитации и пропаганды. У нас судят не за мысли, а за действия, за агитацию и пропаганду против советской власти. А агитация и пропаганда предполагают наличие лиц, которых агитируют или среди которых ведут пропаганду.

Что касается дневника Пименова, то в нем столько личного, интимного, что уже из одного этого видно, что он никому не мог показывать этого дневника.

4. В обвинительном заключении говорится: «В 1954 году написал статью *«Судьбы русской революции»*, в которой...». Товарищ прокурор в своей речи утверждал, что эта статья имеется в деле. Но товарищ прокурор опять, вероятно, запомнил: в деле нет этой статьи, в деле имеются лишь две последние страницы статьи, перечеркнутые самим Пименовым задолго до ареста, и одна страница предисловия. По поводу этой статьи был допрошен ряд свидетелей. Все они заявили, что никаких антисоветских высказываний в статье они не видели. Все высказывания, которые квалифицируются как антисоветские, на последних двух страницах, и эту часть статьи сам Пименов признал неправильной и давал своим знакомым читать статью без этой части. Таким образом, и по этому эпизоду отсутствует состав преступления.

5. Далее в обвинительном заключении говорится: «В мае 1956 года Пименов написал статью *«По поводу речи Хрущева»*, в которой...». В оценке этой ста-

ты я расхожусь с моим подзащитным. Здесь есть отдельные антисоветские высказывания. Что представляет собой эта статья? Это — реакция Пименова на доклад Н. С. Хрущева «О культуре личности и его последствиях», который произвел на Пименова громадное впечатление. В этой статье немало правильных высказываний. Например, возьмите такое высказывание, занимающее важное место в статье: «Должны нести ответственность соратники Сталина». Разве это — антисоветское высказывание? Год назад, пожалуй, оно могло многим показаться неправильным, но сейчас, после июньского пленума ЦК КПСС совершенно ясно, что оно правильно и уж тем более — не является антисоветским.

Кроме того, следует учесть еще следующее. В период после XX съезда партии, особенно в апреле-июне 1956 года, среди многих коммунистов, особенно за границей, наблюдались элементы растерянности и неправильного понимания вопросов, связанных с критикой культа личности. Я имею в виду не ревизионистов, а честных, преданных коммунистов. В качестве примера можно привести тов. Тольятти, который, несомненно, является верным коммунистом и другом Советского Союза. Как известно, товарищ Тольятти допустил отдельные неправильные высказывания в связи с критикой культа личности, в частности, он говорил о перерождении или элементах перерождения социалистического строя в СССР. Несмотря на это, никто не считает товарища Тольятти антисоветчиком. А ведь, казалось бы, товарищу Тольятти — при его возрасте, опыте революционной деятельности, знаниях и осведомленности — намного легче правильно понять те или иные явления политической жизни, чем Пименову.

6. В следующем пункте обвинительного заключения говорится о том, что в ноябре 1956 года Пименов написал тезисы «*Венгерская революция*», в которых с антисоветских позиций нападал на внешнюю политику СССР. Эти тезисы он напечатал на ма-

шинке в нескольких экземплярах и раздал своим знакомым. Что можно сказать об этих тезисах? Они ошибочные, конечно. Пименов разделял неправильные взгляды товарища Тито на сущность венгерских событий.

Тут прокурор говорил, что Пименов рисуется, когда говорит, что при первых сообщениях о событиях в Венгрии у него было желание самому броситься под советский танк, если б это могло хоть чем-то помочь восставшим. Нет, Пименов не рисуется! Его реакция на эти сообщения действительно была исключительно бурной. Особая острота реакции снова объясняется его психопатичностью. Существо же реакции вызвано непониманием действительного характера венгерских событий, которое укрепилось в нем (а может быть, и появилось) при чтении статей зарубежной коммунистической печати.

Когда Пименов будет на свободе, он, несомненно, поймет свою ошибку, хотя сейчас он этого не понимает.

Статья бесспорно, криминальная.

7. Перехожу к следующему пункту. Пименов в ноябре 1956 года написал и разослал нескольким десяткам депутатов Верховного Совета СССР письма, в которых просил депутатов внести на ближайшей сессии Верховного Совета СССР проект резолюции, осуждающей решение правительства о введении советских войск в действие в Венгрии и запрещающей в будущем использование советских войск за границей без решения Верховного Совета СССР.

Этот пункт как криминальный, по моему мнению, надо отвергнуть. Неотъемлемым правом каждого гражданина является доведение своих мнений и предложений до высших органов государственной власти и государственного управления. Как можно считать антисоветской пропагандой высказывание своего мнения в письме депутату Верховного Совета СССР? Разве сможет Верховный Совет СССР ус-

пешно функционировать, если его депутаты не будут иметь права знать мнения избирателей, даже и неправильные? Вероятно, депутаты Верховного Совета СССР сами сумеют разобраться в том, какие мнения правильны, а какие нет.

Кроме того, мне кажется, что, получив неправильное письмо, депутат должен был разъяснить автору ошибочность его точки зрения. Однако, за исключением Бакулева — президента Академии медицинских наук — ни один депутат вообще не ответил Пименову и неизвестно, что они сделали с письмами Пименова\*. Лишь Бакулев прислал Пименову ответ, рекомендуящий ему прочесть письмо Н. А. Булганина Эйзенхауэру. После ответа Пименова, что такая ссылка неубедительна и лишь свидетельствует о том, что депутаты привыкли во всем придерживаться мнения Председателя Совета министров, министров, Бакулев прислал новый ответ: «Оба Ваших письма пересланы мною в Президиум Верховного Совета СССР.» Это, пожалуй, правильно: не сумел убедить сам, пересылает переписку в Президиум. Но как реагировали остальные депутаты? Это Пименову осталось неизвестно. Они не потрудились даже подтвердить получение письма и сообщить, куда они его переслали, если они решили сами не отвечать.

8. *«В марте 1957 Пименов написал статью «Что такое социализм», в которой...».* По этому эпизоду у прокурора нет убедительных доводов. Прежде всего, в деле нет статьи «Что такое социализм», а есть неоконченный черновой набросок, начинающийся словами «что такое социализм?».

Прокурор сказал здесь по поводу этой статьи: «Общий тон ее — в непартийном духе. Но разве этого

---

\* Как правило, ни здесь, ни далее в цитируемых документах, записях и т. п. ошибки, отклонения от истины и т. п. не оговариваются.

достаточно, чтобы признать статью антисоветской? Конечно, нет.

Правда, в ходе предварительного следствия было заключение так называемой «экспертной комиссии», но на него обвинительное заключение не ссылается, и совершенно правильно, так как это «заключение экспертной комиссии» совершенно смехотворно.

9. Летом 1955 года Пименов — по утверждению обвинительного заключения — *пытался организовать антисоветскую группу в Москве* и с этой целью дал своей знакомой Машьяновой поручение организовать вокруг себя людей.

Здесь ничего не доказано. Имеются одни лишь предположения.

Главный аргумент прокурора состоит в том, что Пименов дал Машьяновой книгу Джона Рида «10 дней, которые потрясли мир», которая была в то время запрещена, и поручил искать «нестандартных» людей, которые интересовались бы подобными книгами. Действительно, в то время книга Джона Рида была в списке книг, не подлежащих использованию в массовых библиотеках. Но ведь сейчас она издана 200.000-м тиражом. Известно, как высоко оценивал эту книгу В. И. Ленин. Как же может чтение такой книги или рекомендация прочесть ее быть опасными? Неужели можно считать опасными людей, которые интересуются подобными книгами?

Насчет «нестандартных людей», что, по утверждению прокурора, означает «людей с нестандартными взглядами», вы слышали показания свидетельницы Машьяновой. Она говорит, что ее привлекали люди с нестандартными интересами. Нестандартные интересы и нестандартные взгляды — это не одно и то же. Тем более необосновано утверждение о намерении через Машьянову организовать антисоветскую группу в Москве. Я уж не говорю о том, что такое утверждение не согласуется с тем, что обвинение представило нам Машьянову как впол-

не добропорядочного свидетеля, такого, который сам ни в чем не замешан.

10. Цитирую то, что говорит обвинительное заключение о следующем эпизоде:

*«В ноябре-декабре 1956 года Пименов организовал на своей квартире несколько антисоветских сборищ с участием Хайфица, Налетовой, Хайкина, Локоновой, Братман, Вербловской на которых обсуждались написанные Пименовым тезисы «Венгерская революция». В результате этих обсуждений Хайфиц написал антисоветскую статью «Правда о Венгрии», которую Пименов напечатал в нескольких экземплярах и дал своим знакомым Корбуту, Зубер-Яникун, Кузнецову и др.»*

Прежде всего, ни Корбут, ни Зубер-Яникун не подтвердили этого утверждения. Кто такие «и др.»? Таким образом, утверждение, что Пименов распространял «Правду о Венгрии», — опровергается\*.

Термин «сборища» неуместен. Собирались и раньше, обсуждали разные вопросы.

11. *«В период с октября 1956 года по март 1957 года организовывал у себя на квартире сборища антисоветского характера с участием Заславского, Вербловской, Зубер-Яникун, Корбута, Орловского, Желнова, Шрифтейлик, Дубровича, Таировой, Райкина, Кудрявцева, на которых в антисоветском духе излагал историю революционного движения и прививал мысль о необходимости борьбы с советским строем».*

Действительно, на квартире Вербловской время от времени собирались знакомые Пименова и обсужда-

---

\* Обращаю внимание, как корректно по отношению к Хайфицу сформулировал Райхман это место. Он не от себя утверждает, что Хайфиц — автор, а цитирует обвинительное заключение. Ни словом не акцентируя авторство Хайфица, он, тем не менее, дает понять, что мне можно инкриминировать только распространение, а не авторство.

ли разные вопросы. Никакой организованной группы не было. Никогда все названные лица не собирались вместе. Один раз приходили одни, другой раз другие. Обсуждались разные вопросы, выслушивались доклады на различные, главным образом, исторические темы. Нередко, действительно, обсуждение велось в непартийном духе. Но утверждение, будто «Пименов прививал мысль о необходимости борьбы с советским строем» — неверно. Этого никогда не было! Наоборот, Пименов переубедил Вайля. Прежде Вайль считал, что капитализм лучше социализма. Пименов убедил Вайля, что лучшим общественным строем является социализм, хотя, может быть, и не совсем в такой форме, как у нас.

Главный аргумент товарища прокурора по этому эпизоду: они там говорили обо всем, о чем угодно, а значит — и о борьбе с советской властью. Мы-де, не стенографировали, нас при этих разговорах не было. Такие рассуждения, по меньшей мере, не серьезны.

12. *«Пименов был инициатором, организатором и руководителем антисоветской организации в Библиотечном институте».*

Это также не доказано.

Действительно, 5-10 студентов Библиотечного института провели четыре собрания с участием Пименова. Но о чем говорилось на этих собраниях?

До 21 декабря не было ничего нелегального. Разговор шел о соцреализме, о необходимости расширения прав местных советов и т. п. Причем подчеркивали, что борьба за демократизацию должна вестись в строгих рамках закона, исключительно легальными средствами: путем писем в газеты, в издательства, депутатам и т. д. Разве такая деятельность является незаконной, а тем более преступной? В ней нет ничего антисоветского.

После 21 декабря стихийно возник вопрос о переходе на нелегальность. Когда эти ребята услы-

шали об аресте Красовской без каких-либо серьезных оснований, у них возникла мысль: нас тоже могут арестовать. Стали раздаваться голоса: давайте перейдем на нелегальщину. Основная ошибка Пименова в том, что он согласился.

За одни «венгерские тезисы» и послесловие к докладу Хрущева его, вероятно, не посадили бы. Вызвали бы его, побеседовали бы, но арестовывать его за одно это было бы явно нецелесообразно.

За руководство же нелегальной группой в Библиотечном институте и за подготовку листовок он должен, конечно, отвечать.

Но я ставлю вопрос: по какой статье УК он должен за это отвечать? По мнению прокурора — по статье 58<sup>11</sup>. Я с этим не согласен. Организации не было, были одни разговоры об организации. Поэтому статья 58<sup>11</sup> не применима. Была деятельность Пименова, направленная на создание группы с целью выпуска листовки, где утверждалось, что наши выборы недемократичны и т. д. Это, конечно, криминал. Такие деяния предусмотрены ст. 58<sup>10</sup> ч. 1 УК. Правда, в статье 58<sup>11</sup> говорится не только об участии в организации, но и о «всякого рода организационной деятельности». Но судебная практика никогда не квалифицирует действия обвиненных по этой статье, если обвиняемый один. Эта статья инкриминируется лишь при наличии организации, хотя по буквальному тексту прокурор прав. Вопрос о квалификации действий Пименова не имеет существенного значения для определения меры наказания Пименову, ибо, как вы знаете, статья 58<sup>11</sup> не имеет собственной санкции. Я говорю чисто теоретически, добиваясь лишь юридически правильной оценки действий Пименова.

13. «Сбор провокационной и клеветнической информации». В обвинительном заключении говорится, что собирались клеветнические факты. В своей вчерашней речи прокурор говорил несколько иначе:

«тенденциозные». Это совсем другое дело. С этим я могу согласиться. Факты не могут быть провокационными или клеветническими. А Пименов постоянно говорил: «Меня интересуют факты, а не слухи».

Другое дело, что можно факты тенденциозно, односторонне подобрать. Этим, действительно, занимались Пименов и ряд его знакомых. Безусловно, это нездоровая, ненужная работа, но не преступная. В этом эпизоде нет ничего, что подходило бы под статью 58<sup>10</sup>.

Другое дело, что кое-кто из свидетелей занимался сочинением вымыслов. Так, например, Вишняков измышляет «факт», будто на Дальнем Востоке — простите, в Медвежьегорске «военно-полевой суд» приговорил 4 рабочих к расстрелу. Какие цели преследовал при этом Вишняков — неизвестно; можно даже думать — провокационные цели. Во всяком случае, когда суд его спросил, зачем он это сделал, он ответил: хотел посмотреть, как Пименов будет реагировать. Вообще, этот Вишняков — странная личность. Хотя он проходит по делу как свидетель, он играл на собраниях очень активную роль, выдвигал самые радикальные предложения и т. д. Он собрал с товарищей членские взносы «на организацию». Правда, сумма была небольшой, — и он ее сразу пропил, но все же остается фактом, что он собирал эти деньги, причем, даже с угрозами доложить в некий «центр». Ну, то, что он деньги пропил, это, пожалуй, и правильно: что еще можно было сделать с деньгами, собранными на подобные цели.

14. Обвинительное заключение обвиняет далее Пименова в том, что в декабре 1957 года, при отъезде Вайля на каникулы в Курск, Пименов передал через него Данилову антисоветские тезисы и программу и поручил Вайлю вовлечь Данилова в антисоветскую организацию. Как я уже говорил, организации не было, и утверждение о том, что

Пименов поручил Вайлю вовлечь Данилова в эту организацию — не доказано.

Что же говорилось в этой так называемой «программе»? (Вряд ли можно этот клочок бумаги с отрывочными бессвязными фразами именовать программой).

Основное место в ней занимает лозунг: «Земля — крестьянам, фабрики — рабочим, культура — интеллигенции». Нельзя сказать, чтобы этот лозунг был очень вразумительным. Но разве есть в нем что-либо антисоветское? Конечно, нет. Скорее можно возразить на него с другой стороны: лозунг — бессмысленный, ибо он уже осуществлен у нас и его незачем выдвигать.

Чего же хотел Пименов, выдвигая этот лозунг? Хотел ли он действительно восстановления капиталистического строя, как утверждает товарищ прокурор? Конечно, нет. Мне кажется, суть его действия в том, что Пименов ни в коем случае не стремился к реставрации капитализма. Тем более абсурдно обвинять его в этом на основании лозунга: «Земля — крестьянам, фабрики — рабочим, культура — интеллигенции». Разве при капитализме этот лозунг выполнен? Разве там, например, фабрики принадлежат рабочим?

Как же понимал этот лозунг сам Пименов? Мы спрашивали его об этом здесь. Оказалось, что вполне четкое понимание этого лозунга у него отсутствует. Наиболее ясно он изложил свое понимание второй части своего лозунга: «фабрики — рабочим». Оказалось, что он понимает под этим желательность создания на предприятиях рабочих советов, примерно по типу югославских. В отношении земли он говорил более сбивчиво, примерно в том смысле, что конкретные формы организации труда в сельском хозяйстве и формы пользования землей должны быть более гибкими, с учетом пожеланий самих крестьян и особенностей экономических районов. В частности, он говорил, что, возможно, целе-

сообразно шире развернуть сеть совхозов за счет колхозов и ссылался при этом на опыт Китая. В отношении третьей части лозунга он пытался показать на примерах, как он ее понимает. Я хочу, — говорил он, — чтобы, скажем, об опере выносил решение не ЦК партии а сами композиторы; скажем — съезд композиторов. Ведь большинство членов ЦК и работников ЦК — люди, некомпетентные в музыке. Как же они могут, — говорил Пименов, — выносить решение об опере?

Мы видим, таким образом, что Пименов сам не представляет себе ясно содержания своего лозунга. Он во многом ошибается. Я бы передал этот лозунг на рассмотрение «Обществу сумасшедших на свободе», о котором здесь много говорилось.

Однако я решительно не понимаю, что же видит прокурор в этом лозунге антисоветского?! Независимо от того, целесообразно ли заводить у нас рабочие советы, разве может мнение о том, что их целесообразно ввести, считаться антисоветским? Такие советы существуют в социалистической Югославии. Они существуют, хотя и с несколько иными функциями, в Польской народной республике. Неужели может считаться антисоветским мнение о желательности развития системы совхозов или о необходимости учета особенностей экономических районов, что сейчас общепризнано?

Я считаю, что по этому эпизоду в действиях Пименова состав преступления отсутствует.

15. *Попытка выпуска антисоветской листовки в связи с выборами в местные советы депутатов трудящихся.*

Как я уже говорил, я этот эпизод признаю и считаю, что Пименов должен нести за него ответственность.

16. *Попытка создания антисоветской нелегальной организации в ЛИСИ через студента этого института Кузнецова. Как Пименов, так и Кузнецов кате-*

горически отрицают это. Никаких других доказательств нет. Таким образом, этот эпизод не доказан.

Таким образом, резюмирую. Из числа эпизодов, инкриминируемых Пименову, я признаю:

1. Написание и распространение послесловия к докладу Хрущева.

2. Написание и распространение тезисов «Венгерская революция».

3. Деятельность Пименова после 21 декабря 1956 года, в первую очередь — подготовка листовки.

По всем остальным эпизодам в действиях Пименова, по моему мнению, совершенно отсутствует состав преступления.

Самый важный вопрос в настоящем процессе — это вопрос о формировании взглядов Пименова. Действительно, как могло случиться, что молодой человек, родившийся в 1931 году, через 14 лет после Октябрьской революции, воспитывавшийся комсомолом, окончивший советскую школу, советский университет, совершил антисоветское преступление?

У нас есть много материала для выяснения этого вопроса. Помимо показаний самого Пименова и свидетелей, в распоряжении суда находятся дневники, письма и другие рукописи Пименова.

Детство его прошло в Магадане. Там он рано узнал о всех «прелестях» ежовщины, о массовых незаконных репрессиях честных советских граждан. Он видел возмутительное, жестокое обращение с людьми. Вы слышали о страшной картине, которую он видел в бухте Нагаево, когда заключенных с целью погрузки на судно связывали в тюки и переносили на пароход краном. А подобные картины встречались в Магадане нередко. Конечно, все это оставило глубокое впечатление у Пименова, как и у многих, проживавших там. Недаром в Магадане бытовала поговорка, что там живут «бывшие заклю-

ченные, настоящие заключенные и будущие заключенные».

Исключительно тяжело Пименов переживает разрыв между отцом и матерью. Он считает, что его отец был неправ по отношению к матери. В конце концов, он уходит из семьи и уезжает в Ленинград, где живет один. Лишь значительно позже сюда приезжает мать.

В Ленинграде Пименов вступает в комсомол. Его охватывает жажда знаний, он много читает. Друзей у него нет, друзья — книги. Он — человек редкой работоспособности. За несколько лет он изучил ряд иностранных языков. С этой целью он ежедневно просыпался в 6 часов и до школы, или — позже — до университета, занимался языками. Я был прямо растроган, когда прочел в его дневнике слова: «Я разложился», когда в день, когда он накрылся одеялом (обычно он спал под одной простыней), не встал в 6 часов.

Он изучает философию, историю общую и историю революционного движения и другие науки. Он внимательно прочитывает многие произведения В. И. Ленина, читает много книг об Октябрьской революции. И он не мог не заметить, например, резкого противоречия между изложением истории Октябрьской революции в книге Джона Рида, получившей исключительно высокую оценку В. И. Ленина, и изложением в «Кратком курсе истории ВКП(б)». Он видел, что в печати замалчиваются, а то и оправдываются различные извращения, распространяемые в тот период. Конечно, ему трудно было отделить извращения системы от самой системы. И, видя различные беззакония, он ошибочно полагал: такова система.

В 1949 году он записывает в дневнике: «Считаю неправильным разрыв с Югославией». Он много путешествует по Кавказу, конечно, отчасти подражая Горькому, пытаюсь изучить жизнь. При этом

он узнает о мингрельском деле\*, о выселении целых наций и т. д.

Он видит проявления антисемитизма и глубоко возмущен ими. Он приходит к своему духовному наставнику, очень уважаемому им человеку, руководителю дипломной работы Пименова, члену-корреспонденту АН СССР, ректору Университета Александру Даниловичу Александрову. Он спрашивает его, действительно ли у нас имеются проявления антисемитизма и как к этому относится Александров. Ответ Александрова был хотя и искренним, но не удовлетворил и не мог удовлетворить Пименова, ибо этот ответ исходил опять из положения об ответственности целых национальностей за действия отдельных лиц, принадлежащих к этой национальности; положение, которое Пименов считал глубоко порочным.

Он знакомится с анархизмом Кропоткина. Под влиянием Кропоткина он приходит к выводу, что не имеет права мириться с существующими беззакониями и молчаливо соглашаться с ними. Он ищет возможности сделать какой-либо жест, показывающий, что он не может полностью согласиться со всем тем, что тогда было. Поэтому он и подает заявление о выходе из комсомола. Результатом было помещение его в психиатрическую больницу. После выхода из больницы — опять одиночество. Во избежание вторичного помещения в психиатрическую больницу — восстанавливается в комсомоле.

---

\* Мингрельское дело: 1951—1952 годы. Арестованы секретарь ЦК КП Грузии Барамия и другие столь же высокопоставленные государственные и партийные деятели ГрССР. Обвинялись в сношении с французскими меньшевиками на предмет отделения Грузии и в тому подобной экзотике. Реабилитированы в марте 1953 г. с личными извинениями Берия. По этому делу проходил, в частности, упомянутый в другом месте Ц. А. Шария. Шария утверждал, что он — единственный, кто не подписал «признаний» на следствии.

В этот период Пименов обращается к произведениям Ницше.

Вместе с тем, Пименов пишет чрезвычайно ценные научные работы по математике. Одну из них он докладывал в 1956 году на Всесоюзном математическом съезде. Уже после ареста Пименова пришло на его имя приглашение от Академии наук СССР сделать доклад на совещании по космогонии.

В 1953 году Пименова исключают из комсомола и из университета «за крайний индивидуализм». После ряда обращений в министерство Высшего образования он восстановлен в университете.

Пименов забыл, что нельзя «объять необъятное».

После XX съезда Пименова охватила бурная радость. Партия сама исправляет беззакония, допущенные в период культа личности. Значит, — вина не системы, а одного человека и, быть может, тех, кто ему помогал. Он говорил что «правительство идет впереди народа» в деле исправления последствий культа личности. Надо всемерно поддерживать в этом правительство, не допускать, чтобы консервативные люди тормозили его.

После XX съезда Пименов разворачивает бурную деятельность: записывает и распространяет доклад Хрущева о культе личности, переводит интервью Тольятти, статьи из польских журналов, пишет статью об историческом романе, о социалистическом реализме и др. Все это он печатает на машинке, распространяет, статьи отсылает в журналы и т. д. Это требовало колоссального труда. И заметьте — все это деятельность не контрреволюционная. Ничего из того, что я перечислил, не вменяется в вину Пименову. Если бы не венгерские события, мы, очевидно, с ним здесь не встретились бы.

Имеет ли Пименов твердые политические убеждения или его убеждения неустойчивые и меняются? Совершенно ясно, что его убеждения не устойчивы. На него производят большое впечатление те

или иные отдельные события, как вы слышали и от эксперта-психиатра. После XX съезда убеждения Пименова изменились в направлении поддержки правительства, но венгерские события опять сбили его с правильной позиции.

Если одиночка взбирается на крутую гору, он может оступиться и даже сорваться. Пименов оступился после 23 октября и сорвался после 21 декабря. Сейчас он должен произвести переоценку всех ценностей, и тогда он станет полезным для общества человеком, взойдет все-таки на гору.

Пименов может еще сделать очень много полезного для советского общества. Я прошу приговорить его к наказанию, не связанному с длительным лишением свободы».

На этом Райхман закончил свою речь. В ней проявилось, наконец, то, что я считал первоочередным для политического обвинения; он стал анализировать основания квалификации того или иного момента высказывания в качестве «антисоветского». Ситуация сложилась любопытная, с точки зрения юридической. Прокурор (и предварительное следствие) *декларировал* антисоветскость, а защитник *доказывал* неантисоветскость. Юридически, казалось бы, должно было бы быть наоборот: прокурор доказывает виновность, а защитник декларирует невиновность (используя реальные или надуманные слабости доказательств прокурора — в придачу). Казалось бы, именно так должно было бы быть, если бы всерьез принималась презумпция невиновности, о которой как раз тогда начали писать юридические журналы\*. Но, как я довольно скоро узнал в лагерях, даже такой анализ доказательств антисоветскости явился чем-то исключительным в практике правосудия. Чаще всего, — рассказывали мне, — то, что следствие *называло* анти-

---

\* С тех пор презумпция невиновности вошла в УПК; это ст. 20.

советским, признается без дальнейших околичностей антисоветским и прокурором, и адвокатом. Если адвокат защищает подсудимого не так, как войдущие в историю адвокатуры Брауде и Коммодов \*, то он стремится доказать, что фактически данного эпизода не было, не вникая в квалификацию эпизода. Например, если инкриминируется «антисоветский разговор в общественном месте», то защитник не выясняет меру антисоветскости в анекдоте о мясе, а приводит доказательства того, что его подзащитный данного анекдота в данной очереди не рассказывал. Поэтому все, кому я в лагерях ни повествовал о своем процессе и о защитнике, читали меня первостатейным лгуном.

Как видно, адвокат в точности следовал своей установке: он не разделял моих взглядов, будучи членом той самой партии, нападки на которую содержались в ряде моих статей. Но в целом, исключая отдельные штрихи, я не пожалел, что не отказался от защитника. Во многих случаях самому защищаться труднее, нежели быть защищенным даже посторонним человеком; суд — это один из таких случаев.

Следующим выступил защитник Бориса Вайля — адвокат С. А. Зеркин:

«Товарищи судьи!

Мое положение в известном смысле легче, чем положение защитников других подсудимых: мне не нужно анализировать труды Вайля, ибо он их пока не написал. Я надеюсь, что Вайль еще напишет труды, и они будут предметом рассмотрения не в суде, а в ином месте.

Товарищ прокурор проводил параллель между

---

\* В. Брауде и Н. Е. Коммодов являлись защитниками тех подсудимых на всех политических процессах, начиная с процесса «Союзного бюро меньшевиков» и кончая процессом «Право-троцкистского блока», которые не отказывались от права на защитника.

СССР и Венгрией и утверждал, что деятельность лиц, подобных Вайлю, может привести к тому, что в СССР произойдут события, аналогичные октябрьским событиям 1956-го года в Будапеште. Я считаю такую параллель совершенно недопустимой. Настоящее дело вообще не представляет сколько-нибудь значительного общественного или государственного интереса. Известно, что были крупные политические процессы, о которых подробно сообщалось в газетах. А об этом процессе, я уверен, ни одна газета не поместит и строчки, даже в хронике. В отличие от Венгрии, Советский Союз вышел из младенческого возраста, коммунистический строй существует уже 40 лет. Деятельность лиц, находящихся сегодня на скамье подсудимых, не представляет никакой угрозы для советской власти. Прошли те времена, когда спрашивали: «Нравится ли вам советская власть?» Пришло время спросить: «Нравитесь ли вы советской власти».

Чтобы убедиться в том, что настоящий процесс не имеет большого значения, достаточно сказать, что самому старшему из подсудимых 26 лет, а на втором месте среди подсудимых находится 18-летний Вайль. Можно себе представить, сколь «серьезной» была антисоветская организация, если во главе ее стоял несовершеннолетний Вайль. Ибо 18 лет Вайлю исполнилось лишь за месяц и неделю до ареста.

Перехожу к рассмотрению эпизодов, инкриминируемых Вайлю.

Первый эпизод — участие в составлении антисоветской листовки в 1955 году. Как это произошло? Вайль попал под влияние некоего Невструева. Невструев значительно старше Вайля. С 15 лет он обрабатывал его в антисоветском духе, а потом познакомил с Даниловым, который тоже на три года старше Вайля. Втроем они слушали радиопередачи «Голоса Америки», которые, как известно, у нас иногда заглушают. Наслушавшись этих передач, они

пишут антисоветскую листовку. Но кто именно ее пишет? Пишет листовку Невструев. То есть он диктует, а записывает Данилов. А что делает Вайль? Вайль при сем присутствует. После этого листовка переписывается в 12 экземплярах, а затем уничтожается, причем уничтожается добровольно, что признал в своей речи товарищ прокурор. Таким образом, имел место добровольный отказ\*. По моему мнению, в действиях Вайля по этому эпизоду нет состава преступления.

В Курске были еще разговоры о покупке пишущей машинки, об изготовлении гектографа и т. д. Но дело ограничилось одними разговорами. В этом случае также был добровольный отказ и, следовательно также нет состава преступления.

Надо напомнить, что вообще обо всем, что происходило в Курске, мы знаем из показаний самого Вайля. Если бы Вайль об этом не рассказал, никто ничего не знал бы. Однако Вайль чистосердечно обо всем рассказал сам.

В 1956 году Вайль с серебряной медалью кончил среднюю школу и летом приехал в Ленинград для поступления в высшее учебное заведение. Он давно отошел от тех настроений, которые у него были в 1955 году. За весь период до декабря 1956 года мы не видим каких-либо предосудительных действий Вайля.

И вот в этот период Вайль знакомится с Пименовым. Пименов умелыми руками затронул те струны в душе Вайля, которые уже начали смолкать. Понятно, что Пименов произвел большое впечатление на Вайля. Подумайте сами: преподаватель институ-

---

\* В новом УК предусмотрено, что при наличии добровольного отказа нет уголовной ответственности (ст. 16). Мотивы отказа безразличны, если только они не связаны с противодействием общества совершению преступления. В старом УК добровольный отказ был предусмотрен статьей 19а, о чем немало писали юридические журналы.

та обращается к первокурснику, разговаривает с ним, к с равным. А ведь известно, что Пименов умел производить впечатление и не только на таких мальчишек: он умный, эрудированный, энергичный человек.

И уже после первой встречи Вайль стал игрушкой в руках Пименова.

Следует отметить ту роль, которую сыграл в знакомстве Вайля с Пименовым фельетон «Смертяшкины». Этот фельетон посвящен рукописному журналу «Ересь», издаваемому группой студентов Библиотечного института. Вайль поместил в журнал «Ересь» всего одно маленькое, совсем далекое от политики, далекое также и от пессимизма стихотворение. О нем не стоило писать в фельетоне. Но дело в том, что все остальные авторы по понятным причинам скрылись под псевдонимами, кроме еще одной девушки\*. Вайлю же не было никаких причин скрываться под псевдонимом; он подписал стихотворение своей настоящей фамилией. Таким-то образом Вайль и попал в фельетон. Этому фельетону Вайль обязан своим знакомством с Пименовым, а в конечном счете и тем, что он оказался на скамье подсудимых.

По предложению Пименова Вайль собирает участников журнала «Ересь». Инициатива не Вайля. Вайль — лишь технический исполнитель. Он лишь оповещает о предстоящем собрании. На собрании Вайль не проявляет никакой активности. Кокорев, например, значительно активнее. Вайль же вообще ни слова не говорит. К тому же, первое собрание вообще не криминальное. Там была речь о том, чтобы обращаться в издательства, в газеты, к депутатам. В этом, разумеется, нет ничего преступного.

Далее следуют события 21 декабря. Эти события всколыхнули умы молодежи. За все это должны нести серьезную ответственность не только комсомоль-

---

\* Речь идет о Нонне Слепаковой.

ская организация университета, но и горком ВЛКСМ. Они должны были своевременно организовать такое обсуждение. У нас в распоряжение трудящихся предоставлены прекрасные клубы, дома и дворцы культуры. И что же? Не нашлось другого места для обсуждения творчества Пикассо, кроме садика на площади Искусств. Да и там тоже не допустили! Это же смешно. Я считаю необходимым, чтобы суд вынес соответствующее частное определение.

25 декабря происходит второе собрание в Библиотечном институте. Инициатива опять не Вайля: он лишь оповещал. Здесь впервые ведутся разговоры о нелегальной деятельности. Но разве от Вайля это исходит? И разве вообще это было четкое предложение? Нет, просто были мнения, что просто так собираться теперь, наверное, нельзя: «Красовскую посадили, и нас посадят». Никакого разговора об организации не было.

16 января Вайль уезжает на каникулы в Курск. За несколько минут до отхода поезда появляется Пименов и буквально на ходу передает Вайлю клочок бумаги с «программой» — как ее именует прокурор — хотя вряд ли ее можно так назвать. Передается также и литература, но не криминальная. Я вывожу это из того, что Пименову не ставится в вину литература, которую он передал Вайлю на вокзале.

В Курске Вайль по поручению Пименова говорил с Даниловым. В обвинительном заключении говорится, что он привлек Данилова к контрреволюционной деятельности и вовлек его в контрреволюционную организацию. Однако это утверждение неверно. Вайль не мог привлечь Данилова к контрреволюционной деятельности по той простой причине, что Данилов ею уже ранее занимался. И Вайль об этом знал. В контрреволюционную организацию Вайль вовлечь Данилова также не мог, ибо в это время не только не было никакой организации, но не было даже разговоров об организации. Такие разговоры на-

чались лишь в феврале. Да и тогда были лишь разговоры о необходимости организовать. Как только возник разговор о целях, о «программе», все сразу распалось.

Я считаю, что организационная деятельность может признаваться лишь при наличии организации. А здесь были лишь разговоры об организации, а организации не было. Поэтому я считаю, что статья 58<sup>11</sup> не применима к Вайлю. Хотя, как известно, это чисто юридический вопрос, не имеющий значения для определения меры наказания, я все же хочу, чтобы действия Вайля были правильно квалифицированы.

В начале февраля происходит третье собрание. Оно начинается в одной из аудиторий института, а затем переходит на Марсово поле. Это — единственный раз, когда Вайль хоть что-то сказал. Бубулис говорил о том, что происходит в Литве. Вайль — о Курске. Он говорил, что в Курске очереди за хлебом, что в каком-то колхозе колхозники три дня не работали, ожидая отпуска колхоза (это со слов Данилова), что 550 человек, окончивших среднюю школу, не попали в вузы. Не доказано, что информация Вайля была неправильной, а тем более — умышленно ложной. Вообще, из всех выступавших на третьем собрании неправильную информацию дал лишь Бубулис. Никакой «клеветнической информации» Вайль не передавал. Они хватались за отдельные, может быть и подлинные, факты; злорадствовали. Смягчающим обстоятельством служит еще то, что Вайль не выпускал эту информацию в свет. Он передавал ее Пименову, который должен был ее проверить, сопоставить с другими сведениями. Стремления наврать не было.

Четвертое, последнее собрание происходит 19 февраля, в день совершеннолетия Вайля. Доклад делает Кудрявцев. Все выступали, кроме Вайля.

То, что не было никакой организации, видно хотя бы из того, что кружок не постоянный. Напри-

мер, Палагин был на первом и втором собраниях, а на третьем и четвертом не был, и никто не поинтересовался, в чем дело, не «предатель» ли он. Бубулис, наоборот, не был на первом и втором собраниях. Пришел на третье: «Можно послушать, о чем вы говорите?» — и его без возражений пустили.

Как квалифицировать действия Вайля? Как я уже сказал, ст. 58<sup>11</sup> к Вайлю неприменима. Состав преступления, предусмотренного ст. 58<sup>10</sup>, в действиях Вайля, безусловно, есть. Для этого достаточен уже факт хранения в течение недолгого времени послесловия к докладу Хрущева о культе личности.

Но сравним Вайля со свидетелями. Вайль ничего не писал, не проявлял никакой инициативы, не вырезал из газеты букв для составления листовки. На «ответственном», по словам прокурора, собрании у Пименова 13 февраля Вайль также не был\*.

Среди свидетелей есть человек, который на всех собраниях выступал с самыми «радикальными» предложениями. Он не только настаивал на издании листовки, но и предлагал, что одну листовку он отнесет в милицию, чтобы отвести подозрения. Он говорил о необходимости сделать отметки в телефонных будках, чтобы знать, не арестованы ли другие. Говорил о вооруженной борьбе. О том, что в случае необходимости можно устроить для Пименова и других эмиграцию в Финляндию и т. д. и т. п.

И вот, все эти свидетели на свободе. Они приходят, отмечают повестки и уходят. Оказывается, следственные органы считают нецелесообразным привлекать этих свидетелей к ответственности, несмотря на наличие в их деятельности состава преступления. Я это говорю не потому, что добиваюсь ареста этих свидетелей, а лишь для того, чтобы суд мог

---

\* По показаниям Заславского и Зубер, во вторник вечером 12 февраля 1957 года в разговоре втроем у меня дома я впервые раскрыл им факт существования организации и предложил в нее вступить.

решить, больше ли виноват Вайль, чем эти свидетели.

Вайль намного честнее многих свидетелей. Адвокат Райхман говорил тут о собранных Вишняковым десяти рублях, что это, пожалуй, и правильно, что он их пропил: что же еще можно было с ними сделать? Я не могу с этим согласиться. Вишняков вытребовал эти деньги с большим трудом, угрозами «доложить в центр». Оказывается, все это говорилось лишь затем, чтобы выманить у товарищей деньги, а затем снести их в пивную. Моральный облик Вайля намного выше морального облика такого свидетеля.

Еще в одном проявляется моральная честность Вайля: он имел очень широкую международную переписку со многими странами. И вот, в своей переписке с иностранцами он очень энергично отстаивает нашу позицию, нашу демократию, хотя он с ней и не согласен. Он относится к советской власти, как мать к ребенку. Мать сама может ругать ребенка, но пусть только попробует его задеть кто-либо посторонний: она сразу встанет на его защиту!

Вайль очень легко поддавался внушению. Свидетель Ронкин из Курска говорил на предварительном следствии: «Вайля легко можно было убедить, он безоговорочно соглашался». Вайль говорил на следствии: «Я безгранично верю «Голосу Америки». Когда на следствии ему доказали, что ряд передач «Голоса Америки» является ложью (скажем, в Хабаровске совсем нет такого института, о якобы волнениях в котором говорил «Голос Америки»), Вайль сразу перестал верить «Голосу Америки». Он заявил: «Я в корне меняю свое отношение к передачам «Голоса Америки».

Вайль не способен лицемерить. Ему можно верить, когда он говорит, что пересмотрел свои взгляды. Суд поможет Вайлю выбраться из лабиринта ошибок на широкую светлую дорогу.

Никита Сергеевич Хрущев говорит: «Главное не то, что человек сделал вчера, а — на что он способен завтра».

С этой точки зрения и надо подойти к Вайлю. Вайль оказал народу медвежьёу услугу. Но он много может сделать для народа. Если ему дадут возможность вернуться в институт, из него получится Человек с большой буквы.

Я могу привести еще целый ряд смягчающих обстоятельств: несовершеннолетие, отсутствие прошлой судимости, отсутствие собственной инициативы и т. п. Эти обстоятельства совершенно ясны и не нуждаются в каких-либо пояснениях.

Я прошу суд дать возможность Вайлю вернуться в институт, т. е. приговорить его к условному наказанию».

Записей речей других адвокатов в моем распоряжении нет. Защитником Данилова выступил Лившиц со столь же бледной речью, как бледна была роль Данилова на процессе. Он отводил 58<sup>11</sup>, все валил на Невструева и Вайля, интеллигентов, вредно влиявших на рабочего. Просил условного приговора. Защитником Иры выступила какая-то приятельница ее покойной матери — Кугель. Она перевернула обстоятельства дела и скорее повредила подзащитной, нежели помогла. В основном, она расписывала, какая Ира хорошая и замечательная. На меня ничего не валила подчиняясь категорическому запрету Иры. Напротив, доказывая, что Ира — чудесный человек, произнесла панегирик в мой адрес: раз ее муж такой прекрасный, то может ли Вербловская быть преступницей?! Требовала оправдать Иру безусловно.

С блестящим ораторским мастерством произнес речь-фейерверк адвокат Шапиро, защищавший Заславского. Его задача облегчалась тремя обстоятельствами: 1) Против Игоря практически не было улик, свидетельствовавших бы о том, что он выяв-

лял вовне свои, пусть вредные, взгляды; 2) Игорь недвусмысленно заявил об отказе от любой деятельности «против», приурочив датировку своего отказа к нашей ссоре 27 января\*; 3) В защиту Игоря активно выступил доктор математических наук Николай Александрович Шанин. Об этом надо рассказать подробнее.

В июне-июле, по-видимому, после срыва заступничества Шапиро-Соломяка-Даугавета, Шанин написал на имя Первого секретаря ЦК КПСС длинное послание о роли И. Д. Заславского в науке. Помню явно выраженное в письме нежелание брать на себя неподобающие функции и судить о преступности-неприступности деяний Заславского. Мастер математической логики, когда-то рекомендовавший мне для штудирования «Эвристику или науку спорить», Н. А. Шанин мотивировал свое заступничество так: идет борьба между советской и американской школами математической логики и конструктивного анализа, борьба очень напряженная, где каждое сражение выигрывается ценой исключительно трудных, сверхчеловеческих усилий. Если пропустить месяц-два, то соперники могут обогнать бесповоротно. Во всяком случае — потребуются многие годы, чтобы их догнать. Одним из самых активных солдат на этом фронте войны науки советской и американской является Заславский. Без него, опытного полководца конструктивизма, нам не выиграть битву. Пока еще обучишь другого новобранца!.. Нужен, науке нужен, отечественной науке нужен именно Игорь Заславский. Поэтому, если, как он, может быть, того и заслужил, его приговорят к лишению свободы, то я доктор Шанин, прошу Вас, товарищ Хрущев, создать Заславскому такие условия, чтобы он мог по-прежнему контактировать с учеными и

---

\* Это не было фальшью: Игорь заявил мне про полный отказ от какой бы то ни было политической деятельности впредь; это было в «воронке» числа 27—29 августа 1957 года.

давать им указания как выигрывать сражения. Н. С. Хрущев переслал письмо в ленинградскую прокуратуру. Она, конечно, его не зачитывала на суде. Более того, протестовала против ходатайства о приобщении извещения Прокуратуры РСФСР о том, что письмо Шанина переслано в прокуратуру Ленинграда. Суд удовлетворил протест. Но копию самого послания суд разрешил зачитать адвокату Шапиро, приобщив копию к делу. В своей речи он обыгрывал ценность Заславского и просил освободить подзащитного.

Не помню, были ли реплики прокурора на речи адвокатов и последующие ответы защитников на реплики обвинителя. На одном из процессов они были, но я запомнил, на каком именно.

Пятого сентября мне предоставили произнести последнее слово. Я было начал его говорить быстро, темпераментно, как всегда. Но запозднил секретарь суда и Райхман ходатайствовал, чтобы председатель меня остановил до ее прихода. В ожидании — минуту, две-три — он подошел ко мне и объяснил, что в отличие от адвокатских речей, которые не протоколируются и не попадают в дело, последнее слово непременно записывается секретарем и подшивается в судебное дело. Поэтому, его надо произносить с расстановкой, вразумительно, дабы секретарь (не стенограф!) сумел записать. Памятуя это, я после возобновления судебного заседания начал медленно, с паузами, как ответственную лекцию:

«Прежде всего я хочу возразить на некоторые места в речи гражданина государственного обвинителя, младшего советника юстиции прокурора Демидова. Гражданин государственный обвинитель младший советник юстиции прокурор Демидов зачитывал тут мое письмо к отцу от 1954 года. Это, конечно, его право. Но неправильно характеризовать мой облик на основании одного этого письма. Я уже говорил, что это письмо написано в определенном, переходящем настроении и совсем не выражает моих

действительных взглядов. Я полностью от этого письма отмежевываюсь.

Далее, гражданин государственный обвинитель называл меня мракобесом и пытался вывести мои политические взгляды из философии Фридриха Ницше. Но это — попытка с негодными средствами. Да, с негодными средствами, ибо мое заявление о выходе из комсомола подано в 1949 году, а с произведениями Ницше я впервые ознакомился лишь через несколько лет после этого.

Теперь перейду к тем эпизодам, которые мне инкриминируются. Прежде всего, я хотел бы сказать, граждане судьи, что не смогу принять ваш приговор как справедливый, если в нем будет ставиться мне в вину то, что я делал в период 1949—1954 годов: разговоры, записи в дневнике и т. д. Ибо все, что я тогда делал, я считаю оправданной реакцией на то, что сейчас называется «извращением культа личности». Самое дорогое для меня было — Октябрьская революция. И когда я видел, как искажается история Октябрьской революции (достаточно сравнить изложение истории Октябрьской революции в книге Джона Рида и в «Кратком курсе»), я, конечно, этим возмущался. Известно, сколько всяких беззаконий творилось в тот период. Я не буду их перечислять. Всем известно, что в стране господствовала фашистская банда Берия. Возможно, что в моих записях того периода не все правильно: тогда было трудно отделить извращение политики партии от самой этой политики. Но, в основном, эти записи были оправданны.

Далее, я ни в коем случае не смогу принять ваш приговор как справедливый, если в нем будет ставиться мне в вину то, что я рассылал письма депутатам Верховного Совета СССР. Если я, как гражданин Советского Союза, как избиратель, не могу высказывать свои мнения и предложения — будь они хоть трижды неправильные — депутату Верховного Совета, высшего органа государственной

власти, то какой же путь мне остается? Только нелегальный? Я верю, что суд не захочет толкнуть меня на нелегальный путь.

Что касается послесловия к докладу Хрущева «О культуре личности», то здесь уже говорилось, зачем оно было написано, да и из самой статьи это видно. Статья представляет собою мою реакцию на доклад Хрущева. Основная ее мысль: «Верные соратники Сталина должны нести ответственность». Во время суда из речей защитников и реплик свидетелей я узнал\*, что верные соратники Сталина разоблачены; по крайней мере, уж такие наиболее верные, как Маленков, Каганович, Молотов. Это — очень многое, чего я только мог желать. Чего же мне еще желать больше? Все остальное, что сказано в этой статье, я — фигурально выражаясь — перечеркиваю, и готов нести ответственность, если суд признает, что там есть что-то криминальное.

Теперь что касается тезисов «Венгерская революция». Пока я не видел фактов, которые заставили бы меня изменить мнение, выраженное в этих тезисах и более поздней статье «Правда о Венгрии», написанной Хайфицем и отредактированной с моим участием\*\*.

Хочу отметить, что все это время я говорил только о легальной борьбе за демократизацию, в строгих рамках закона, исключительно легальными средст-

---

\* Тут я сказал неправду. Узнал я об этом до суда, но, не имея права ставить под удар источник информации, я сослался на реплики свидетелей, действительно, как один, спешивших сообщить нам об этом.

\*\* По-видимому, я сказал нечто в таком роде: «...статья «Правда о Венгрии», которую, как показал свидетель Хайфиц, написал он. Но я не отрицаю своего участия в ее написании, я ее по меньшей мере редактировал». Но в поспешной записи Эрнст сформулировал мои слова вышеприведенным образом, и, поскольку тексты документов я оставляю неизменными, постольку я сохранил его редакцию.

вами, как сказано и в венгерских тезисах. Это было, безусловно, правильно, и моя ошибка, что после 21 декабря я от этой позиции отошел. Об этом я еще скажу позже.

Прокурор обвиняет меня в том, что я был инициатором, организатором и руководителем группы в Библиотечном институте. Я не хочу преуменьшать свою роль: я был руководителем этой группы. Но не нужно мою роль преувеличивать: инициатором и организатором я не был. Там никого не приходилось убеждать, агитировать и пропагандировать. Характерен эпизод, происшедший здесь во время допроса свидетеля Кудрявцева. Кудрявцев сказал что-то насчет того, что у нас не печатают многие статистические сведения, а газеты не всегда пишут правду. Гражданин младший советник юстиции прокурор Демидов сразу перебил его вопросом: «Это Пименов вас так учил?» — на что Кудрявцев ответил: «Нет, что вы! Я и раньше так считал, да, впрочем, это всем известно, все так считают». До 21 декабря у нас был разговор исключительно о легальной борьбе — письма в газеты и т. д. После 21 декабря стали раздаваться голоса: Красовскую арестовали, надо переходить на конспирацию. Моя ошибка в том, что я санкционировал эту нелегальщину. Почему я так сделал? Дело в том, что после 21 декабря у меня сложилось впечатление, что правительство — или, по крайней мере, ленинградские власти — встали на путь массовых репрессий.

Сейчас мне лучше, чем кому бы то ни было видно, что это неверно. Если бы действительно был курс на массовые репрессии, то по настоящему делу были бы арестованы не пять человек, а значительно больше; уж я-то знаю, как много! И уж, во всяком случае, были бы арестованы те 15 человек, которые перечислены в имеющемся в деле списке — в постановлении о невозбуждении, о котором здесь говорилось. Дело, разумеется, не в том, что некоторые из этих лиц, как говорил прокурор, раскаялись, изме-

нили свои взгляды и т. п. Дело просто в том, что правительство не хочет массовых репрессий. А если это так, то переход к нелегальной деятельности был не только преступлением, но и ошибкой. Когда я говорю, что считаю свою деятельность после 21 декабря преступной, я этим не говорю ничего нового, это тавтология: раз нелегальная, значит преступная. Но эта деятельность была не только преступной. Она была неправильной, ошибочной и вредной для тех целей, к которым я стремился.

В заключение я хотел бы сказать еще вот о чем. Гражданин младший советник юстиции прокурор Демидов обвинял меня в распространении клеветнических измышлений, в фальсификации фактов. Это утверждение не соответствует действительности. Никогда моя совесть ученого не позволила бы мне сделать чего-либо подобного. Меня всегда интересовали лишь достоверные факты, а не измышления. Я не клеветал, т. е. не лгал заведомо.

Вот, пожалуй, все».

Вслед за мной последнее слово было предоставлено Игорю Заславскому.

«Граждане судьи!

Гражданин государственный обвинитель обвинял меня в том, что я вступил в преступную связь с Пименовым. Это неверно. Мои связи с ним были чисто научными.

Кстати, если суд позволит, я хочу попытаться исправить одну несправедливость. Тут много говорилось о моих научных работах, была зачитана подробная характеристика моих научных работ. В отношении Пименова такой характеристики не было сделано. Есть характеристика из института, в котором он работал; она чисто служебная, из нее не видно громадного значения работ Пименова. Я постараюсь, если суд не будет возражать, восполнить этот пробел. У Пименова нет опубликованных научных

работ, но одна его неопубликованная работа стоит шести моих опубликованных работ. Постараюсь дать о ней некоторое представление, хоть это и трудно, ввиду того, что область, к которой на относится, чрезвычайно абстрактна.

Эта работа относится к области аксиоматической геометрии, начало которой было положено трудами великого русского математика Н. И. Лобачевского в 1820-е годы. Затем аксиоматикой геометрии занимались Риман и Гильберт, после чего многие считали, что в этой дисциплине все уже сделано и заниматься ею больше нечего. За несколько десятков лет, действительно, ничего существенно нового в аксиоматической геометрии получено не было. И вот, сейчас Пименов сделал большой шаг вперед в этой дисциплине. Это удалось ему благодаря тому, что он впервые ввел в геометрию время. Точнее, ввел аксиомы, из которых вытекает коренное отличие одного измерения мира (на геометрическом языке — пространства) от остальных. Эти аксиомы основаны на идее о том, что не все прямые одноименны, т. е. равноправны между собой; т. е. нет той однородности, как в обычной геометрии. Известно, что Н. И. Лобачевский открыл одну новую геометрию, и это было важным успехом науки. Из работ же Пименова вытекает существование девяти существенно различных геометрий, из которых, по крайней мере, две — совершенно новые, никогда ранее не рассматривались ни математиками, ни физиками. Пименов называет их именами английского ученого Милна и бельгийского ученого Леметра, но, по справедливости, они должны были бы называться геометриями Пименова, ибо у Милна и Леметра имеются лишь слабые наметки на что-то похожее.

Еще большее значение, чем с точки зрения математики, имеет работа Пименова с точки зрения физики и астрономии. И не случайно Пименова-геометра пригласили (как мы сегодня слышали) на совещание по космогонии в Академии Наук СССР. В те-

орию Пименова входит как частный случай теория относительности — так называемая специальная теория относительности. Напомню, что теория относительности является одной из основ современной физики. Одной из причин ее создания было то, что в течение долгого времени не удавалось объяснить опыт Майкельсона. Майкельсон измерял в 1881 году скорость света в различных направлениях и установил, что она не зависит от движения системы отсчета. Этот результат казался совершенно необъяснимым до тех пор, пока Эйнштейн в 1905 году не создал свою теорию относительности, которая объяснила опыт Майкельсона. Таким образом, от опыта Майкельсона до его объяснения Эйнштейном прошло 24 года. Теперь вернемся к тому, что сделал Пименов. Из его теории получается объяснение так называемого красного смещения. Красное смещение, т. е. смещение в сторону красного цвета спектральных линий и в спектрах внегалактических туманностей, было открыто в 1917 году. До сего времени явление это не поддавалось объяснению. И только из работы Пименова 1956 года получается объяснение. Итак, прошло 39 лет. Это дает некоторое представление о трудностях и значении работы Пименова.

Итак, мои связи с Пименовым были исключительно научными, а от его «общественной деятельности» я всегда отмежевывался и сейчас отмежевываюсь. Правда, и Пименов, и гражданин государственный обвинитель упрекают меня за это, но это уж их дело.

Что же касается моих записей в дневнике, то я признаю, что там есть некоторые мысли, например, «Коммунизм невозможен при свободе» и другие, которые, если бы я их стал широко распространять, могли бы оказаться — независимо от того, правильны ли или нет эти мысли вообще — опасными для общества в данный момент. Именно в этом смысле я заявил в начале процесса, что частично признаю себя виновным. Но моя совесть спокойна в том отношении, что я этих мыслей не распространял и не

собирался распространять, а, следовательно, ни один мой поступок, ни одна моя мысль не нанесли вреда обществу. Вот и все, что я хотел сказать».

Выступление Игоря в мою защиту тронуло меня. Оно вообще прозвучало довольно неожиданно, особенно после того, как на судебном следствии мы с ним взаимно в целях облегчения его защиты, выяснили, насколько скверны всегда, без малейшего просвета, были наши взаимоотношения. Мы выдумали даже ревность из-за Иры. Не будучи специалистом в области космологии, Игорь значительно преувеличил значимость моих работ. Но их содержание он изложил, а Эрнст записал практически без существенных ошибок; ведь оба они слушали мой курс лекций по космологии в 1955 году и мое выступление на математическом съезде в 1956 году. Правда, я не помню, чтобы употреблял термин «мир Леметра». Помнится, я говорил «мир де Ситтера». «Мир Милна» — это то, что нынче называется «антидеситтеровской моделью». Игоря, как и других слушателей моих лекций\*, восхищало, что в деситтеровской космологии без каких бы то ни было предположений о распределении материи и без понятия эйнштейновских уравнений тяготения получался следующий факт: если источник света покоится относительно приемника света в дату испускания, то свет проходит к приемнику с красным смещением (тем большим, чем больше расстояние в дату испускания).

Это он и называл «объяснением красного смещения», «которого ждали 39 лет». Что касается новизны моих аксиоматических построений, то независимо от меня и совсем по-иному ту же работу вы-

---

\* Они читались в 1955 году в помещении ЛГУ (Ленинградского Государственного Университета); но по составу слушателей мы их именовали лекциями во ВРУ (Вольно-Российском Университете). Разумеется, острили насчет «лгу» и «вру».

полнила и опубликовала в 1960—1961 годах, когда я был в заключении, ученица И. М. Яглома Е. У. Ясинская. Мои работы на эту тему были опубликованы только в 1964—1965 годах.

Насчет трусости. В соответствии с избранной им тактикой, я, естественно, подтверждал, что Игорь всегда отмежевывался от моих крайностей, а тем паче от намека на организационную деятельность. Прокурор, естественно, этому не верил. Дабы убедить прокурора и суд, я напирал на то, что Игорь и не мог участвовать в организации и в активном противодействии порядку вещей в силу своей врожденной трусости. Раз уж я заговорил о трусости, пришлось подтверждать ее на ряде конкретных примеров. Прокурору было тем трудней спорить с такой аргументацией, что сам он называл Игоря трусом, но в другом смысле: Заславский-де, делал то же, что Пименов, был его мозгом, а на следствии суда перетрусил и, выгораживаясь, лжет, будто отмежевывался и отмежевался.

Ира Вербловская в последнем слове произнесла всего одну фразу, в которую вложила всю обиду и весь вызов силам, несправедливо — в том смысле, в каком я говорил о справедливости по поводу очной ставки Данилова и Невструева — державшим ее в тюрьме; этой фразе не хватало лишь искренности:

«Я много говорить не буду, хочу только сказать, что я никогда не была и сейчас не являюсь врагом советской власти и всегда стояла и стою за социалистический строй, и ни в чем не виновна».

Борис Вайль сказал:

«Граждане судьи!

Прежде всего я хочу сказать о курском периоде своей деятельности, что я давно перечеркнул этот период. Еще задолго до ареста. Я считаю то, что я делал тогда, ошибкой. Я уже говорил об этом.

Хочу добавить, что то, что я делал в Ленинграде,

это тоже неправильно. Я просидел в тюрьме пять месяцев я все это продумал и осознал.

Во всяком случае, в мои намерения не входила борьба с существующим строем, а лишь борьба с недостатками. Каждый человек может совершить ошибку. Я еще совсем молодой.

Граждане судьи!

Дайте мне возможность кончить институт. Приговорите меня к условному наказанию!»

Не помню, про какое из своих последних слов — на первом или на втором процессе — Борис признался мне, что он просто зачитал текст, написанный ему адвокатом.

Так как было уже поздно, а по закону после окончания последнего слова судьи обязаны не выходить из совещательной комнаты до тех пор, пока не напишут полностью приговора, — был объявлен перерыв до утра. Наутро Костя Данилов сказал:

«Граждане судьи!

Прежде всего я хочу выразить свою надежду, что вы, находясь в совещательной комнате, объективно и беспристрастно просмотрите все материалы дела.

Я надеюсь, что вы не забудете, что советский суд призван не только карать, но и воспитывать. Прошу вас распределить наказание по возможности равномерно.

Что касается того, в чем я обвиняюсь, то свою «деятельность» в кавычках в 1955 году я считаю неправильной как по форме, так и по существу и давно пересмотрел свои тогдашние взгляды.

Что же касается того, что я делал в последние месяцы, то я признаю это неправильным по форме, но по существу правильным, ибо я стремился не к подрыву советской власти, а к устранению недостатков».

Суд удалился на совещание. Нас свели вниз по лестнице в караульную.

Стала сказываться усталость этих двенадцати дней. За день напряженной борьбы я изматывался не меньше, чем за сутки тяжелого физического труда. К тому же, в судные дни нас кормили простывшим обедом, разлитым по мискам за много часов до нашего возвращения по камерам. И уже — все кончилось. Осталось только ждать не зависящего от нас решения. Я вдруг почувствовал себя истощенным и изможденным.

После сбивчивой, неубедительной (хотя с потугами на ораторские обороты) речи прокурора, ярких защитительных речей, проникновенных последних слов свидетелей мы были убеждены, что Вербловскую и Заславского наверняка оправдают. Вайль получит условный приговор. О Данилове, за полным незнакомством с ним, гадали меньше, но, в общем, склонялись к условному приговору. Обо мне... Прочитирую тогдашние слова Вили:

«Если Революту не дадут хотя бы двух-трех лет, то это будет самое страшное для него оскорбление, и он вскрыет себе вены теми самыми лезвиями, которые мы ему передали».

Сам я был уверен, что все мы останемся в тюрьме. Помню, еще в первый день суда мы обменивались предчувствиями, кто сколько получит. Костя рассказал свой сон, из которого, вроде следовало, что я получу больше всех: бессчетно, а прочие — по году-два. Я — как я гадал в тюрьме о сроке и у меня получались сбивчивые непонятные указания: то шесть, то десять, то опять шесть лет\*. Ира, помню, была уверена в своем освобождении, но я настолько не верил, что даже не давал ей никаких указаний и поручений на волю. Все, кроме меня,

---

\* Борис вспоминал, что я гадал, вытягивая костяшки домино. Но я недоумеваю: зачем бы я брал в одиночную камеру домино?! Сам факт гадания я отчетливо помню, но вот — на чем?! Или я гадал при всех? Но нам в караульной вряд ли дали бы домино...

твердили о предстоящей к 40-летию амнистии. В том, что амнистия будет колоссальной, уверены были и судья, и прокурор, и конвой, и тюремные надзиратели. Поэтому, примеряя требуемые прокурором сроки (что больше не дадут — были уверены), скрашивали выдумываемые самими доли срока под амнистию и выводили, что заключение будет кратковременным. Я же в амнистию не верил, исходя исключительно из прецедентов.

Часов в восемь вечера нас привели наверх. Не в прежний зал, а в большой. Поскольку приговор во всяком случае объявляется публично — согласно УПК — и поскольку в своем первоначальном ходатайстве о превращении процесса в открытый, я так и сказал: «Я поддерживаю ходатайство Вайля. Если же, в чем я несколько не сомневаюсь, суд отклонит это ходатайство, то я настаиваю на соблюдении статьи 21 УПК\*, по которой приговор во всяком случае объявляется публично», — постольку в зал были допущены все желающие. Мне тогда казалось, что было около 400 человек. По восприятию других — было человек 50, не меньше. Будем надеяться, что каждый из них напишет сам мемуары, и тогда простым сложением числа авторов мемуаров установится, сколько зрителей присутствовало. Во всяком случае, достоверно, что сверх свидетелей было очень много друзей свидетелей.

Кстати, насчет открытости объявления приговора. Примерно через год после нас судили Тарасюка (из Эрмитажа). Зал был пустой. Не знал подсудимый своих процессуальных прав. Свидетели и любопытные толпились снаружи двери. Там же толкался и

---

\* Ныне ст. 18 УПК. Как следствие из публичности оглашения приговора можно заключить, что приговор не может быть секретным документом. Кстати, тем, что я сослался на ст. 21 УПК, я вызвал нескрываемое раздражение Зеркина, который отмежевываясь от Борькиного ходатайства, добавил, что бессмысленно ходатайствовать о соблюдении статей УПК, ибо суд их и так всегда соблюдает.

Эрнст. Подошло время объявлять приговор. Впустили свидетелей (двух-трех человек). Держа в руках УПК, Эрнст отодвинул конвойного, ввалился в почти пустой зал.

— А вы кто такой?

— Я гражданин Советского Союза.

— Назад! — закричал часовой. Метнулся начальник конвоя. Эрнст же зычным голосом прогремел на залу:

— Товарищи, это почему конвой нарушает статью 21 УПК, согласно которой приговор во всяком случае объявляется публично?!

Председатель невнятно распорядился пустить и начал чтение приговора. Но никто из стоявших по ту сторону двери, включая друзей и родных подсудимого, не осмелился последовать за Эрнстом и войти в зал. Настолько они не знали своих законных прав. Они были уверены, что «этого человека» пропустили в зал только потому, что у него есть «особые полномочия». В самом деле, он обладал «особыми полномочиями»: он знал свои законные права... И не собирался ими поступаться в угоду нарушителям, хотя бы те были с примкнутыми штывками.

Итак, нам зачитывался приговор со сцены, перед которой мы стояли, отделенные деревянными перилами-барьером от внушительных размеров зала, набитого явно сочувствующей и одобряющей публикой, прильнувшей к барьеру. Помню еще Локонова показывала нам только что вышедшую отдельным изданием «Не хлебом единым». Кто-то (Адамацкий или Хайкин) — «10 дней», тоже только что выпущенную. Смотрите, дескать, то, за что вы боролись, — осуществляется! Ира прильнула ко мне, оперлась.

В момент чтения приговора я думал, в основном, об Ире, поэтому успел заметить мало. С удовлетворением заметил оправдание по 58<sup>11</sup> троих — ее, Игоря, Кости. Хотя юридически эта статья без соб-

ственной санкции, она, как мне рассказывали, означает содержание в более строгих лагерях и вечный отказ в прописке в крупных городах после освобождения. Кроме того, оправдание по 58<sup>11</sup> человека, давшего согласие участвовать в (пусть не существующей!) организации (Данилов) — это юридический очень важный момент. Помню, Ира задавала — после традиционного вопроса председательствующего: «Понятен ли приговор?» — вопрос: «Какая разница между «исправительно-трудовым лагерем» и «общими местами заключения»?». Миронов ответил, что это разъяснит нам лагерная администрация. Но не грубо, а словно извиняясь, что сам толком не знает. Меня это, вспоминая, удивило. Суд приговаривает нас к известному роду наказания: меня и Бориса к исправительно-трудовым лагерям (мне 6, а ему 3 года), а прочих к 2 годам общих мест лишения свободы; суд сам проводит различие между двумя видами заключения и суд же не знает толком, в чем оно, это различие! Но эта мысль мелькнула, не задерживаясь. Помню, Миронов и Демидов, проходя мимо меня после чтения приговора, с почти дружеской улыбкой спросили: «Ну, как, довольны ли вы, Пименов, приговором?», — но не помню что я им ответил. Потом, при внимательном чтении приговора, я сообразил, что они имели в виду изъятие из моего обвинения эпизода с 1949—1954 годами и эпизода с письмами депутатам, то есть суд удовлетворил мои необходимые требования справедливости, выраженные в последнем слове. Помню возмущенную жестикуляцию Вали Налетовой, которая, как и Хайфиц, слыхом не слыхивали об Игоре Заславском, но на якобы показания которых суд по небрежности сослался, обосновывая доказанность вины Заславского. Помню руки друзей, тянувшиеся к нам на всем пути вниз по лестнице.

Помню, что на обратном пути Иру везли в «воронке» и ее здорово укачало. Она и так плохо пе-

реносила бензин и даже поездку в такси. А в «отдельном боксе» «воронка» дай Бог поехать тем врачам, которые находят устройство его медицински допустимым. По выходе из «воронка» во дворе тюрьмы ее вытошнило, и она, пока я ее отхаживал, пока надзиратель бегал за водой, все беспокоилась: «Вдруг они — конвойные — подумают, что меня тошнит от того, что я испугалась суровости приговора?!»

Когда в камеру мне принесли копию приговора — не помню, через день или два — я начал с того, что возмутился словом «в открытом заседании». Психологически описку судей я понимаю: в зале суда все время было несколько десятков человек, и они успели позабыть, что процесс закрытый по их же собственному определению. Но это было покушением на историческую точность, и я рвался протестовать. Но в тот же день пришел Райхман договариваться о тексте кассационной жалобы, велел мне не хулиганить. Назавтра под расписку всем нам объявили, что в тексте приговора опечатка и «открытый» следует читать «закрытый». С согласия Райхмана я сделал было попытку и написал в суд с просьбой, чтобы мне — в соответствии с такими-то процессуальными нормами, отраженными в советских юридических журналах — разрешили ознакомиться с протоколом судебного заседания на предмет привнесения замечаний на оный\*. Получил ответ, что «сторона», т. е. мой защитник, уже ознакомился с протоколом, а, следовательно, я утратил право на самостоятельное ознакомление ибо

---

\* Сейчас это право осужденного зафиксировано в статьях 264—265 УПК. Согласно нынешней редакции (редакции 1966 года), подсудимый имеет право ознакомиться с протоколом судебного заседания в течение трех суток после составления протокола (сам протокол должен быть изготовлен не позже, чем через трое суток после судебного заседания), независимо от того, ознакомился ли с протоколом уже его защитник.

передал свои права по защите ему. Мы с Ирой взаимно обменялись текстами проектов наших кассационных жалоб, причем, как обычно, я согласился почти со всеми ее редакционными исправлениями в моей, а она отвергла все мои соображения, касавшиеся текста ее жалобы.

Но надо всем этим витало:

*Прокурор Ронжин опротестовал приговор по мотивам неоправданной мягкости приговора, явно не соответствующей тяжести содеянного, и ввиду неправильного оправдания Данилова и Вербловской по ст. 58<sup>11</sup>.*

## ИНДЕКС ИМЕН\*

- |  |   |
|--|---|
| Адамацкий Игорь 38-39, 45, 100   | 12, 16, 20, 24-25, 30, 32-33, 36-37, 40, 44-45, 48, 51-52, 67, 86, 95-96, 98, 101-103 |
| Акмен (с) 30   | Вербловский 33  |
| Александр (Александров?) 15  | Виля (Вилена Пименова?) 44, 45, 98  |
| Александров Александр Дан. 75  | Вишняков Владимир 19-24, 29, 44, 50, 70, 85   |
| Александров И. 56  | Владимир см. <i>Хайфиц</i>  |
| Александров Н. 7   | Волков Юрий (?) 15  |
| Асеев 20   |   |
| Ахматова Анна 20, 22   |   |
|  | Гаенко 41   |
| Бакулев 65   | Гапон Георгий свящ. 25-26, 49   |
| Барамия 75   | Гидони 20   |
| Берггольц Ольга 20   | Гитлер Адольф 4   |
| Берия Л. П. 75, 89   | Гильберт 93   |
| Богораз Лариса 7   | Голанд 4  |
| Борис см. Вайль  | Горький (Пешков Алексей Макс.) 26, 35-36, 74  |
| <i>Братман</i> Кира 51, 67   | Греков 38   |
| Брауде В. 78   | Громова Ульяна 48   |
| Бубулис 21, 44, 83-84  | Гумилев Николай 20  |
| Булганин Н. А. 65  |   |
| Вайль Борис Борисович 5-8, 11-13, 17-18, 20, 28-34, 38, 40-41, 46-49, 52, 59, 68, 70-71, 78-86, 96-97, 99, 101 | Данилов Конст. Г. 6, 11, 18, 32-33, 37, 50, 70-71, 79-80, 82, 86, 96-98, 100-101, 103 |
| Валя см. <i>Налетова</i>   |   |
| Вербловская Ирина 5-6,   | Даугавет (ис) 87  |

---

\* Курсивом набраны вымышленные фамилии, употребляемые автором.

Демидов прокурор 34, 38, Космодемьянская Зоя 48  
 46, 48, 52, 88, 91-92, 101 Котт Ян 17  
 Джилас М. 7 Кошевой Олег 48  
 Дубрович Никита 20, 25, Кравчинская-Степняк 22  
 27, 44, 67 Красовская 69, 82, 91  
 Дудкин Анатолий 11 Кропоткин 75  
 Егоров кап. ГБ 47 Кугель 86  
 Желнов Виктор 25, 67 Кудрявцев 25, 38, 67, 83,  
 91  
 Заславский Игорь Д. 6, Кузнецов Юрий 15, 30, 39,  
 13-14, 24-26, 31-33, 37, 67, 72-73  
 43-44, 50, 52, 67, 84, 86-88, Леметр 93, 95  
 92, 95-96, 98, 100-101 Ленин (Ульянов) В. И.  
 Зеликсон 41 26, 53, 66, 74  
 Зеркин С. А. 78, 99 Лившиц 86  
 Зиновьева Валент. И. 7 Литвинов П. М. 7  
 Зубер-Якунин Эврика 25, Лобачевский Н. И. 93  
 27, 44, 46, 50, 67, 84 Локонова Инга 11, 17, 28,  
 42, 51, 67, 100  
 Игорь см. Заславский Луканкин 32  
 Ира см. Вербловская Лякин Викт. Ник. 19, 23  
 Йофе 41 Майкельсон 94  
 Каганович Л. М. 90 Маленков 90  
 Каменев С. 26 Мандельштам Осип 20, 38  
 Кант Эммануил 53 Мао Цзэ-дун 54-56  
 Кардель 16 Марина см. Таирова  
 Клеманова 41 Маркс Карл 53  
 Кабидзе Коба П. 23 Машьянова 43, 51, 66  
 Кокорев 81 Медведев Вас. Андр. 3-4,  
 Комаров В. 7 7  
 Коммодов Н. Е. 78 Меньшаков Юрий кап.  
 Корбут Александр 25, 50, ГБ 46  
 67 Милн 93, 95

- Миронов судья 33-34, 39, 40, 101  
 Михайлов Александр 28  
 Молотов (Скрябин) В. М. 90  
 Мошков 41  
*Налетова* Валентина 12, 51, 67, 101  
 Невструев 32, 79-80, 86, 96  
 Никита см. Дубрович  
 Ницше Фридрих 49, 53, 76, 89  
 Орловский Эрнст Сем. 16, 25, 40-42, 46-48, 52, 60, 67, 90, 95, 99-100  
 Палагин 84  
 Перовская С. 22  
 Пикассо Пабло 58, 82  
 Пименов Револьт Ив. 3-8, 19, 30, 34-35, 37-38, 42-77, 80-82, 84, 91-94, 96, 101  
 Пименов Рев. Рев. 8  
 Пименова Вилена Анат. (Виля?) 8  
 Пименова 33  
 Плеве 26  
 Плеханов Г. 22  
 Поссе 26  
 Правдин кап. ГБ 24, 30, 35  
 Райкин 67  
 Райхман 34, 36, 40, 52, 67, 77, 85 88, 102  
 Рачковский 26  
 Рейли Сидней 7  
 Решетняк 15  
 Рид Джон 20, 39, 66, 74, 89  
 Риман 93  
 Ронжин прокурор 103  
 Ронкин Валерий Еф. 41  
 Ронкин 85  
 Рохлин Ефим 42  
 Рутенберг 26  
 Савинков Борис 28  
 Ситтер де 95  
 Слабовзоров Ник. 11  
 Слепакова Нонна 20, 81  
 Случевский проф. 34-36, 40-41  
 Сломкин 41  
 Солдаткина 45  
 Соломяк 87  
 Сталин (Джугашвили) И. В. 5, 22, 44, 54, 61, 63, 90  
 Таирова Марина 25, 27, 67  
 Тарасюк 99  
 Тельников Влад. Ив. 46-47  
 Тито (Броз) И. 16, 64  
 Тольятти Пальмиро 63, 76  
 Трофимов 47  
 Троцкий (Бронштейн) Л. Д. 26  
 Узунов 48

Фельдман 34  
Фигнер В. 22  
Фуллон 26  
*Хайкин* Борис 51, 67, 100  
*Хайфиц* Владимир 12-14,  
45, 51, 67, 90, 101  
Хахаев 41  
Хрущев Н. С. 7, 16, 50,  
52-54, 62-63, 69, 73, 76, 84,  
86-88, 90  
Чекотуева 41  
Чурсинов полк. ГБ 19  
Шанин Ник. А. 87-88  
Шапиро адвокат 86, 88  
Шапиро 87  
Шария Ц. А. 75  
Шрифтейлик 17, 25, 67  
Штирнер 53  
Щербаков Иван Г. 47, 49,  
60  
Эйзенхауэр Д. 65  
Эйнштейн А. 94  
Энгельс Ф. 53  
Эрнст см. Орловский  
Этин Юрий 23  
Яглом И. М. 96  
Ясинская Е. У. 96

*Н. Горбаневская*

# ПОЛДЕНЬ

**Книга в 4-х частях:**

Красная площадь. — Дело о нарушении общественного порядка. — Шемякин суд. — Судьба Виктора Файнберга

В книге 500 стр. Мягкий переплет  
Цена 17.— н. м. В США 5.— дол.

*Анатолий Марченко*

# Мои показания

**Книга о нынешних советских тюрьмах  
и лагерях**

Кроме текста записок автора, прошедшего шесть лет в заключении, книга содержит все документы по так называемому «Делу Марченко» (его письма, петиции в его защиту, полная запись процесса И. Б. Белогородской и др.)

Цена 14.— н. м.  
В США и Канаде 4.50 ам. дол.



**СБОРНИК  
ДОКУМЕНТОВ  
ПО ДЕЛУ**

*Ю. Галанскова,  
А. Гинзбурга,  
А. Доброволь-  
ского  
и В. Лашковой*

*Запись процесса, важнейшие документы  
и отклики на этот процесс как в Советском  
Союзе, так и за границей*

Книга карманного формата, 488 стр.

Художественная обложка работы

А. В. Русака

Цена — 18.80 н. м. В США и Канаде —  
6.50 ам. дол.

**о. Сергей  
Желудков**

# **ПОЧЕМУ И Я — ХРИСТИАНИН**



Эта книга была написана ее автором без надежды на то, что она увидит свет на родине — в России. Ибо она свидетельствует о возрождении религиозной мысли, исканий, о продолжении традиций религиозного творчества, находящегося в этой стране под запретом.

Предисловие к книге написано протоиереем о. Александром Шмеманом. В приложении дается притча Г. Честертона «Розовый куст»; отклик на эту книгу о. Сергея Желудкова священника Х. (из России); примечания епископа Нафанаила, сделанные им к работе о. Сергея.

Карманный формат. Мягкий переплет.

В книге 325 стр.

Цена 17.60 н. м. В США и Канаде — 6.40 дол.

## **СОДЕРЖАНИЕ**

От редакции	3
Р. И. Пименов, Один политический процесс	9
Глава 10. Последние три месяца	11
Глава 18. Суд	18
Индекс имен	104